

На правах рукописи

Мельникова Ольга Михайловна

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ В АРХЕОЛОГИИ

Специальность 07.00.06 - археология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Ижевск 2004

Работа выполнена в Удмуртском государственном университете

Научный консультант:

доктор исторических наук, профессор **Римма Дмитриевна Голдина**

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор **Николай Яковлевич Мерперт**

доктор исторических наук, профессор **Герман Паптелеймонович Мягков**

доктор исторических наук, профессор **Владимир Александрович Иванов**

Ведущая организация: Московский государственный университет

Защита состоится « _____ » _____ 2004 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д.212.275.01 в Удмуртском государственном университете по адресу :426034, г.Ижевск, ул.Университетская, 1, корп. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Удмуртского государственного университета

Автореферат разослан « _____ » _____ 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета, к.и.н., доцент

Журавлева Г.Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Научное сообщество - сложноорганизованная система, внутри которой выделяется множество элементов. Один из них - научная школа. Необходимость изучения научных школ в археологии диктуется несколькими обстоятельствами. Во-первых, в науке немало упоминаний о конкретных археологических школах. В познавательном смысле следует понять их содержание, особенности и отличия от других форм организации научной деятельности. Во-вторых, в условиях оформления историографии как составной части предмета археологии, возникает необходимость систематизации историографического процесса, который невозможен без учета всех его составных элементов, одним из которых являются школы в науке. В-третьих, в организации современных археологических исследований следует использовать преимущества самоорганизации ученых в форме научных школ.

Изучение научного сообщества и его социальных структур в археологии ставит перед историками науки ряд теоретических и методологических проблем. Оживление с начала 90-х гг. XX в. исследований по истории отечественной археологии показывает, что в российской археологии отсутствует разработанная система оценок историографических фактов. Специальному анализу не подвергались историографические источники, не определена их познавательная ценность. В состоянии вялотекущей дискуссии находится проблема периодизации истории археологии России. Нет четкого определения содержания основополагающих понятий, отражающих познавательные структуры в истории археологии: научное направление, течение, движение, проблемная область. Не выработаны единые критерии классификации историографического материала применительно к этим понятиям. Феномен научных школ также не имеет обоснования и определения, хотя и является часто используемым термином. Опыт историографических исследований конкретных археологических научных школ практически отсутствует.

Достаточно позднее оформление историографии археологии в самостоятельный раздел науки привело к тому, что серьезной работы по изучению и выявлению научных школ в археологии не велось, задача их специального изучения не ставилась. Представления о научных школах формировались стихийно под воздействием традиции без какого-либо обоснования их конкретно-исторической и теоретической характеристики. Этим можно объяснить множественность толкований содержания понятия «научная школа», смысл которых можно выявить лишь из упоминаемого контекста. Чаще всего понятие «научная школа» употребляется в двух случаях. О научной школе говорят как об уникальном явлении, когда возникающая между учеными общность взглядов приводит их к тесному сотрудничеству, порождает неформальные взаимоотношения, на долгое время определяет пути развития знания. В узком смысле научную школу определяют как небольшой коллектив, объединенный общей системой взглядов, идей, традиций, передающейся и развивающейся при смене научных поколений.

В последнее десятилетие государство стало осознавать значимость научных школ для развития науки и предпринимает шаги по созданию условий для их возникновения и деятельности. Стало очевидно, что в рамках научных школ ведутся продуктивные исследования. Поэтому в 90-х гг. XX в. появилась общегосударственная программа поддержки ведущих научных школ России.

Все это определяет значимость изучения научных школ в археологии. Актуальность проведения исследования определяется и методологическими соображениями: никогда прежде в археологии не ставилась цель рассмотрения научной школы как самостоятельной структурной единицы исследовательской деятельности в методологическом и в конкретно-историческом отношении. Важность такого исследования в археологии несомненна, так как связана не только с анализом прошлого нашей науки, но и с изучением ее современного состояния и определения перспектив развития.

Внутренние потребности развития археологии, а также социальные потребности повышения эффективности современных археологических исследований требуют скорейшего изучения школ в археологии. Такое исследование находится в предметной сфере археологии, ее историографии, чья роль в исследовательском процессе современной науки в последнее время переосмысливается. Это уже не узкая сфера изучения истории археологических знаний, но значимый раздел изучения археологии как науки, перед которой стоят познавательные задачи преодоления описательного этапа ее развития. Новая роль историографии археологии вместе с познавательными возможностями историографии исторической науки и науковедения создает благоприятную возможность исследования научных школ в археологии.

Объект исследования. Многозначность точек зрения на содержание понятия «научная школа» сделала значимым обращение к научной школе в археологии как объекту специального рассмотрения. При этом необходимость разработки методологического аппарата для исследования потребовала ограничения изучаемых научных школ. В работе основное внимание уделено исследовательским коллективам, которые научная традиция¹ давно именуется научными школами. Такая оценка в археологической литературе дана научной школе О.Н.Бадера, функционировавшей в Пермском университете в конце 40-начале 50-х гг. XX в. (Бадер Н.О., 2001; Крайнов Д.А., 1975; Мельникова О.М., 2003; Оборин В.А., 1983; 1998). Изучение научной школы О.Н.Бадера важно для понимания механизмов трансформации обычного научного коллектива в научную школу, выявления особенностей научных школ как в организационном, так и в познавательном и педагогическом плане, осмысления особенностей исследовательского процесса в рамках научной школы.

Исследуется деятельность коллектива археологов, сформированного известным советским ученым В.Ф.Генингом в Свердловске в Уральском университете в начале 60-х гг. XX в. Научная традиция археологии также именуется его научной школой (Бунятян К.П., 1989; 1994; 1997; Дмитриевская Т.В., 1999; Ковалева В.Т., 1990; 1999; Мельникова О.М., 2003; Овчинникова Б.Б., 1999). Эта школа имела генетические связи с пермской школой О.Н.Бадера. Поэтому изучение механизмов преемственности в деятельности научных школ значимо для понимания роли социальных и познавательных факторов в выявлении общего и особенного в археологических школах.

Рассматривается современный коллектив археологов в Удмуртском государственном университете. Его исследование необходимо для понимания процесса формирования исследовательской традиции в археологии в оценке научных сообществ как школ.

Акцент на региональные научные школы не случаен. Исторически археология в России формировалась как региональная. Системное рассмотрение исследовательского процесса требует проведения обстоятельного анализа ее

составных элементов, представленных региональными особенностями истории археологии, в том числе и научными школами. Изучение столичных научных школ осуществлено в работе косвенно: их представители оказывали интеллектуальное влияние на региональную науку как через совместные исследования, так и через институт аспирантуры и другие формы научных коммуникаций.

Предмет исследования состоит в создании на основе междисциплинарного подхода логической модели научной школы в археологии и рассмотрении ее познавательных возможностей в изучении конкретных исследовательских коллективов.

Цель исследования состоит в междисциплинарном изучении феномена научных школ в археологии. Для ее достижения необходимо решение *исследовательских задач*:

- 1) анализ опыта исторической науки в изучении научных школ и возможностей его адаптации к исследованию научных школ в археологии;
- 2) исследование историко-научных и науковедческих подходов в рассмотрении научных школ;
- 3) создание на основе междисциплинарного подхода логической модели научной школы и обоснование ее понятийного аппарата;
- 4) адаптация логической модели научной школы к изучению конкретных исследовательских коллективов;
- 5) выявление особенностей научных школ в археологии, определение места данного объединения в структуре научного сообщества.

Степень изученности проблемы. Наиболее обстоятельная характеристика научных школ разработана в науковедении. Однако объектом науковедческих изысканий стали, главным образом, школы в естественных науках. Изучение научных школ составляет содержание методологических проблем историографии исторической науки (Гутнов Д.А., 2002; Гутнова Е.В., 1985; Зевелев А.И., 1987; Корзун В.П., 1987; Мягков Г.П., 2000; Чирков С.В., 1990). Долгое время в отечественной археологии социальные структуры науки изучались только применительно к русской дореволюционной историографии и истории археологии первого десятилетия после революции 1917 г. Для этого применялись понятия научного направления, течения (Генинг В.Ф., 1982; Мерперт Н.Я., 1995; Формозов А.А., 1995; Тихонов И.Л., 2003). Подобным образом характеризовалась зарубежная археология (Монгайт А.Л., 1973). С середины 30-х гг. XX в., в соответствии с идеологическими установками времени, обращалось внимание на коллективный характер исследовательской деятельности в рамках марксистской методологии, что исключало выделение в археологии научных школ, направлений, течений.

Только в исследовании Г.С.Лебедева «История отечественной археологии» в контексте рассмотрения предмета историографии археологии приводилось краткое, но далеко не бесспорное определение содержания этих понятий. Но специальный анализ научных школ в этой работе не производился, а течение и научная школа рассматривались как тождественные явления (Лебедев Г.С., 1992).

В формировании представлений об археологической школе велика роль научной традиции. В археологии существование научных школ в конкретном случае получало статус историографического факта с момента, когда появлялись авторитетные свидетельства о том, что некоторые объединения археологов являются научной школой. Так, С.А.Жебелев указывал на существование «кондаковской школы» (Жебелев С.А., 1923). Г.С.Лебедев называл школу палеоэтнологов Ф.К.Волкова в Петербурге (Лебедев Г.С., 1992). Эта оценка

имеется и в других исследованиях (Генинг В.Ф., 1982; Платонова Н.И., 1995; Тихонов И.Л., 2003). В Московском университете в структуре палеоэтнологического направления в русской археологии В.Ф.Генинг выделял школу Д.Н.Анучина (Генинг В.Ф., 1982). Есть упоминания о ленинградской (А.А.Миллер, А.А.Спйцын, Б.В.Фармаковский, Н.Я.Марр) и московской археологических школах (В.А.Городцов, Ю.В.Готье), школе С.И.Руденко, А.А.Миллера, Г.А.Бонч-Осмоловского, С.А.Тегоюхова, Б.С.Жукова, школе археологов-сибириевцев М.П.Грязнова (Мерперт Н.Я., 1995), московской школе археологов В.А.Городцова (Формозов А.А., 1995), иркутской археологической школе Б.Э.Петри (Формозов А.А., 1995), грузинской археологической школе (Лордкипандзе О.Д., 1995), школе советских археологов-антиковедов (Мерперт Н.Я., 1995), отечественных школах в изучении ранних кочевников степей М.И.Ростовцева, В.А.Городцова, П.Д.Рау, Б.Н.Гракова (Яблонский Л.Т., 1999), пермской научной школе О.Н.Бадера (Бадер Н.О., 2001; Крайнов Д.А., 1975; Мельникова О.М., 2003; Оборин В.А., 1983; 1998), свердловской археологической школе В.Ф.Генинга (Ковалева В.Т., 1999; Мельникова О.М., 2003; Овчинникова Б.Б., 1999), школе К.В.Сальникова (Горбунов В.С., Яминова С.А., 1999); научной школе археологов в Удмуртском государственном университете (Мельникова О.М., 2002), новой пермской школе археологии в Пермском государственном педагогическом университете (Белавин А.М., 2002). Такие сведения встречаются и в других исследованиях по истории археологии. Аргументация «от научной Традиции» позволяет именовать те или иные коллективы в науке научными школами, но не обосновывает критерии такого выделения.

Преодолеть это состояние призвана разработанная в диссертации *методология исследования*. Она основана на междисциплинарном подходе. Аргументированная идентификация научных школ оказалась возможной на основе заимствований идей, методов, дефиниций, разработанных в историографии исторической науки, а в большей мере - истории науки и науковедении. Поэтому исследование осуществляется в понятиях и категориях, обоснованных в историографических, науковедческих и историко-научных исследованиях, характеризующих научные школы.

Науковедческий подход позволяет использовать теоретические представления о научной школе, выявить инвариантные признаки школ, дать их системные характеристики. История науки дает возможность опереться на содержание ее понятий, связанных с характеристиками научной деятельности. Познавательные возможности историографии позволили обосновать исходные содержательные данные исследования, ставшие фактологической основой для конкретно-исторической характеристики науковедческих моделей научных школ. Кроме того, историографический опыт изучения специфики школ в гуманитарном, а в особенности, историческом познании, позволил использовать его при изучении характеристики археологических школ. Разработанная логическая модель научной школы дает возможность идентифицировать коллективы в археологии как научные школы, определить их структуру, содержание деятельности, оценить вклад в развитие науки.

Методически исследование использует познавательные возможности широкого спектра методов исторического исследования, особая роль среди которых отводится историко-генетическому, историко-сравнительному, типологическому методам и методу научной биографии.

Источники исследования. Традиционно массовым источником в историографии археологии являются научные труды. Это справедливо при изучении истории археологической мысли. Но поскольку изучение научных школ связано не только

с рассмотрением научного знания, но и с организацией процесса его получения, то круг источников должен быть расширен. Типология этих источников представляется следующей.

1) Самой многочисленной группой являются труды археологов. Интерес в них представляет характеристика исходных идей, концепций, теорий, методы изучения археологического материала. Этот круг источников позволяет увидеть общность в позициях членов научной школы, «экспансию» школы в научном сообществе, определить степень ее влияния в науке, оценить востребованность результатов исследований.

2) Значимым источником являются диссертации. Они характеризуют содержание и уровень развития актуальных проблем науки и способы их разрешения, предлагаемые членами научной школы. В них прослеживается влияние общей позиции научной школы на индивидуальное творчество ученого. В качестве подготовительного элемента диссертации в рамках научной школы может выступать такой источник как курсовая и дипломная работа в вузе, поскольку в подавляющем большинстве случаев тематика диссертаций членов научной школы закладывалась еще в учебных работах.

3) Подготовительные материалы (черновики, пробные наброски, отстраненные варианты текста, карточки, выписки) позволяют в последовательности рассмотреть рождение новых идей.

4) Близки к ним по своему значению черновики неопубликованных рукописей.

5) Корректуры раскрывают творческую лабораторию ученого.

6) Тексты лекционных курсов демонстрируют уровень развития научного знания, раскрывают историю археологического образования, без которой невозможно изучение феномена научной школы.

7) Учебные программы по специальным курсам и семинарам раскрывают специфику научных проблем, подлежащих решению коллективом.

8) Документы личного происхождения значимы для изучения «биографий» учреждений, в которых формируются научные школы. Они раскрывают процесс складывания традиций общения ученых с молодежью, позволяют охарактеризовать научные биографии членов школы, определить через личное восприятие и осмысление роль таких коллективов в истории науки. Частная переписка раскрывает содержание взаимоотношений между исследователями в рамках научной школы, определяет субординацию между ними.

9) Периодическая печать отражает вклад научной школы в общезначимый фонд знаний. Через периодику прослеживается степень влияния научной школы на общественные процессы.

10) Библиографические обзоры раскрывают динамику активности членов научной школы.

11) Материалы конференций фиксируют круг актуальных научных проблем, определяют механизмы коммуникаций школы с научным сообществом и внутри самой школы.

12) Делопроизводство научных и учебных учреждений связано с биографическими фактами жизни ученых и научных коллективов. Оно характеризует повседневную деятельность коллективов, раскрывает механизмы формирования организационных форм научной школы.

13) Статистические материалы несут справочную информацию о динамике численности коллектива, масштабах и географии проводимых археологических исследований.

14) Законодательные акты, в особенности связанные с функционированием научных и учебных заведений России, позволяют характеризовать организационные условия деятельности научных школ.

Подавляющее число источников, послуживших содержательной основой исследования, отложились в различных архивах. Особую ценность представляют документы, выявленные в Государственном архиве Пермской области, Государственном архиве Свердловской области, Центральном Государственном архиве Удмуртской Республики. Привлечены архивные материалы учебных, научных учреждений и их подразделений: архива Пермского государственного университета им. А.М.Горького (ПГУ), архива музея истории ПГУ, архива кабинета археологии ПГУ, архива Уральского государственного университета им. А.М.Горького (УрГУ), архива кафедры истории России УрГУ, архива Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории УрГУ; архива кафедры археологии и истории первобытного общества Удмуртского государственного университета (УдГУ); архива Института Археологии Национальной Академии Наук Украины; архива Пермского областного краеведческого музея; архива Казанского физико-технического Института им.Е.К.Завойского Казанского Научного Центра РАН; архива Института истории им.Г.Ибрагимов АН Татарстана. Для изучения научных школ привлекались материалы из личных архивов. Неоценимую услугу оказали устные свидетельства, полученные автором в ходе общения с членами исследуемых научных школ.

Научная новизна. Исследование, проведенное на междисциплинарной основе, впервые в археологии позволило разработать теоретико-методологические подходы к изучению научных школ в археологии, создать логическую модель научной школы, определить понятийный аппарат, применить его к анализу конкретных исследовательских коллективов. Впервые обоснован круг источников для изучения научных школ в археологии, даны их характеристики, описаны портреты глав школ и их учеников, выявлены социальные факторы, влияющие на процесс формирования научного коллектива. Впервые исследованы организационные формы археологических научных школ в университетах России. Выявлены критерии своеобразия научных школ в археологии. В исследовании впервые дана типология источников для изучения археологических школ и введено в научный оборот значительное их количество.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее положения могут быть использованы в исследовательской работе как основа для изучения социальных структур научного сообщества. Они позволяют осмыслить историографический процесс в археологии в обоснованных понятиях и категориях. Полученные результаты создают возможность синтеза с представлениями об исторических научных школах и школах в гуманитарных науках в целом. Созданная логическая модель научной школы задает параметры идентификации научных коллектив, что позволяет изучать как уже признанные школы, так и определять статус других коллективов в науке.

Материалы диссертации могут быть использованы для систематического изложения общего хода развития археологии как в учебно-педагогических целях, так и для создания обобщающих исследований при написании университетских курсов по историографии археологии как в методологическом отношении - применение разработанного понятийного аппарата - так и в конкретно-историческом смысле - как фактологическая основа для изучения школ в науке.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в 2 монографиях, 51 научной публикации, учебно-методических изданиях для студентов, специализирующихся по археологии. Результаты исследований докладывались на международных, всесоюзных всероссийских, региональных конференциях и симпозиумах в Москве, Екатеринбурге, Ижевске, Перми, Казани, Йошкар-Оле, Пятигорске, Киеве, Сыктывкаре, Оулу (Финляндия), Ювяскюля (Финляндия), Эсслингене (Германия) в период с 1990 по 2003 гг. Выводы автора обсуждались на заседании Отдела теории и методики археологических исследований ИА РАН.

Структура работы. Работа состоит из «Введения», пяти глав, «Заключения», библиографического списка, состоящего из 315 наименований, и «Приложения», включающего материалы по истории формирования и функционирования научных школ.

Содержание работы. Во «Введении» обосновывается актуальность изучения научных школ в археологии, выявляется степень изученности проблемы, дается историкоисследовательское, историографическое, методологическое обоснование цели и задач исследования, определяется научная новизна и практическая значимость работы.

Первая глава «Научная школа как объект историографического исследования» посвящена изучению познавательных возможностей историографии археологии и исторической науки в изучении археологических школ.

§1. «Феномен научных школ в археологии в контексте методологических проблем историографии археологии» связан с обоснованием изучения схолярной проблематики в историографии археологии. На протяжении XX в. был создан ряд обобщающих исследований по истории отечественной археологии (Жебелев С.А., 1923; Худяков М.Г., 1933; Монгайт А.Л., 1955; Формозов А.А., 1961; 1986; Генинг В.Ф., 1982; Генинг В.Ф., Левченко В.Н., 1992; Пряхин А.Д., 1988; Лебедев Г.С., 1992; Матюшенко В.И., 2001 и др.). Но в них практически не нашло отражение исследование социальных структур археологии, в рамках которых происходит выработка археологических знаний. Лишь в монографии Г.С.Лебедева «История отечественной археологии» была предпринята попытка целостного охвата (как в хронологическом и территориальном, так и в структурном плане) историографического процесса в археологии (Лебедев Г.С., 1992).

Современный опыт создания обобщающих историографических работ вызывает немало вопросов, связанных с существованием комплекса общих проблем историографии археологии. Это приводит к значительным затруднениям в постановке и решении конкретных историографических проблем. Феномен научных школ в археологии также не может быть полноценно изучен вне осмысления и решения общих методологических проблем историографии археологии. Для этого важно обозначить эти проблемы, выявив их влияние на изучение школ в науке.

В историографии археологии, как и в любой другой области знания, теоретико-методологические обобщения делались значительно позднее, чем возник сам раздел науки. Термин «историография археологии» стал результатом долгих поисков через понятия «история археологических знаний», «история отечественной археологии». В последнее десятилетие появилась во многом интуитивная тенденция использования термина «историография археологии».

Важнейшей методологической проблемой историографии археологии стало определение ее предмета. Для изучения научных школ в археологии значимым

оказывается понимание предмета историографии, включающее в себя процесс накопления знаний, возникновение новых идей, концепций, теорий, методов исследования, изменения в организации научной деятельности, преобразования социальных форм деятельности ученых. Эти компоненты позволяют выявить характеристики научных школ в археологии.

Предметная сфера историографии археологии определяет содержание ее методологических проблем, решение которых важно для исследования научных школ в археологии. Наиболее актуальны в контексте изучения научных школ: 1) анализ структуры и уровней историографического знания; 2) изучение методов историографического исследования; 3) взаимоотношение науки и общества; 4) понятийный аппарат историографии; 5) психология научного творчества.

§2. «Методологическое обоснование историографических исследований в археологии» посвящен осмыслению места scholarной проблематики в археологии в контексте урвневой организации историографического знания. Уход от фактографизма, полноценное раскрытие путей формирования и развития истории науки возможно на основе понимания урвневой организации историографического познания. Эмпирический уровень познания связан с выявлением и описанием историографических фактов, а теоретический - их объяснением.

К сожалению, в историографии археологии, за редким исключением, не пртскрываются теоретико-методологические подходы авторов. Лишь в ряде работ авторами специально излагается понимание сути историографического исследования в археологии с точки зрения содержания выявляемого ими знания. Их объединяет системное видение предмета историографии археологии, когда эмпирический и теоретический уровни познания выступают логическими ступенями в познавательном процессе, обладающими собственными познавательными установками, системой исходных теоретических представлений и вытекающими из нее методами исследования.

Но даже для таких работ следует признать терминологический и содержательный разноробой. Эмпирический уровень историографического исследования в археологии иногда называют фактологическим или фактографическим и связывают с выявлением фактов из историографических источников. Их описание и накопление составляет содержание этого этапа исследования, но обнаруживает два отличных друг от друга понимания. В первом случае познавательные задачи эмпирического уровня исследования историографии археологии связывают с выявлением и описанием историографических фактов, вне зависимости от их археологического содержания (Генинг В.Ф., Ганжа А.И.). Во втором случае к ним относят рассмотрение только тех научных фактов, которые отражают содержание эмпирического уровня исследования в археологии (Матющенко В.И.).

Необходимость фактологических работ по истории археологии несомненна, так как они связаны с выявлением и описанием историографических фактов. Их количественное и содержательное многообразие в последнее десятилетие объяснимо с точки зрения самой науки: история науки как предметная сфера археологии со всем комплексом содержательных, понятийных, методических, теоретических проблем находится в стадии формирования. Но разработка только задач фактологического уровня ограничивает понимание истории археологии.

Эти проблемы снимаются на теоретическом уровне исследования, который в историографии археологии называют историографическим или историко-

научным. Его познавательная установка состоит в объединении историографических фактов общей идеей, отражающей развитие предметного содержания истории археологии. В.Ф.Генинг связывал теоретическое исследование в историографии археологии с изучением эволюции стиля научного мышления, развития методов, концепций, теорий, гипотез, определявших общее направление исследовательского поиска в разные периоды развития археологии (Генинг В.Ф., 1982). В.И.Матюшенко указывал, что теоретический уровень включает рассмотрение основных идей и представлений о развитии древней культуры в науке, закономерностей в развитии археологии и отдельных ее направлений, школ, места и роли археологии в системе наук и культуры общества изучаемого периода (Матюшенко В.И., 1992; 2001). А.И.Ганжа предложил называть эту стадию исследования историко-научной и обратил внимание на то, что исследования этого уровня позволяют создавать модель развития научно-теоретического знания и прогнозировать его развитие (Ганжа А.И., 1987).

В работах последнего времени возникла плодотворная идея выделения науковедческого уровня в изучении истории археологии (Ганжа А.И., 1987; Лебедев Г.С., 1992; Мельникова О.М., 1998). Он иерархически соподчинен с фактологическим и историографическим уровнем и связан с созданием модели развития отдельной науки как социального института. При этом каждый прешествующий уровень является источниковедческой базой последующего (Ганжа А.И., 1987).

Этот подход продемонстрирован в исследовании Г.С.Лебедева «История отечественной археологии», в котором следование логике структуры науковедения, включающей несколько самостоятельных разделов, позволяет рассматривать историю археологии в системе социальных отношений, продемонстрировать единство познавательного процесса в археологии, объединив прошлое, настоящее, будущее науки (Лебедев Г.С., 1992).

Выявление уровней организации историографического исследования совершенно иным образом раскрывает подходы к изучению научных школ в археологии. С одной стороны, это может быть индуктивное исследование, когда с накоплением историографических фактов открывается перспектива их осмысления в контексте историографического процесса в целом. Это означает, что на этапе сбора фактов возникает потребность не только в их описании, но и объяснении в понятиях теоретического уровня - «научное направление», «проблемная область», «течение», «научная школа». На науковедческом уровне оказывается возможным включение историографических фактов в систему понятий и категорий, связанных с системным видением развития науки как знания, как деятельности, как социального института. При этом возможен и другой путь - дедуктивный, когда применение науковедческих понятий позволит вести целенаправленное выявление научных школ на уровне формирования историографического факта. Процесс поиска, выявления источников, их содержательного анализа будет подчинен логике науковедческой модели исследования.

Методология каждого из уровней историографического исследования предполагает разные способы познания истории археологии. Конкретная характеристика познавательных возможностей методов, используемых для изучения научных школ, излагается в §3. «Методы историографии археологии в контексте изучения научных школ».

Поскольку историографическое исследование - историческое по своей предметной сути - справедливо соотносить его методы с типологией методов

исторической науки. Она включает в себя общенаучные, специально-научные, частично-научные методы.

Среди общенаучных методов в историографии особая роль принадлежит методу анализа. Он нацелен на отыскание конкретных причин, породивших определенные события в развитии науки, расширении проблематики, появлении новых, ранее не освещавшихся тем, условий формирования новых идей, методов, обобщений (Зевелев А.И., 1987, с.37).

В исследовательской практике истории науки из специально-научных часто применяется генетический метод. Метод направлен на анализ развития, но тяготеет к описательное™ и фактографизму (Ковальченко И.Д., 1987, с. 136). Генетический метод в его хронологической или проблемно-хронологической форме изложения является закономерным на начальной стадии историографического изучения проблемы, поскольку связан с описанием историографических фактов. Без его применения невозможно создать прочной источниковедческой базы историографического исследования. Неслучайно анализ специальных историографических работ в археологии демонстрирует активное использование этого метода (например, Ашихмина Л.И., 1995; Васюткин С.М., 1996; Матюшенко В.И., 1992; 1995; 2001; Обыденное М.Ф., 1994; Обыденнова Г.Т., 2002; Савельева Э.А., 1997; Тихонов И.Л., 2003).

Представляется, что частным случаем хронологического метода выступает метод периодизации. Его задача - в выделении качественных изменений в ходе развития науки. Главным в реализации метода является обоснование критериев периодизации. В историографии археологии метод периодизации весьма популярен. Но проблема периодизации истории археологии находится в состоянии дискуссии, что определяется недостаточной фактологической изученностью истории археологии в России, так и возможностью множества критериев периодизации. Метод используется как для создания единой периодизации истории мировой археологии, археологии России и региональной археологии. В первом случае исследователи используют такие критерии периодизации как изменение фундаментальной теории (Генинг В.Ф., 1982; 1988; Генинг В.Ф., Левченко В.Н., 1994), деятельность наиболее ярких личностей в археологии, наличие господствующей концепции или парадигмы, методологическое состояние археологии (Лебедев Г.С., 1992; 1993; Формозов А.А., 1994), отношение к политическим событиям (Монгайт А.Л., 1955). История региональной археологии также знает множество периодизаций. Они основаны на различных критериях - накоплении археологических знаний, изменении социальных условий деятельности археологов, анализе закономерностей получения археологического знания. Появляются периодизации, связанные с развитием археологии в учебных заведениях, основанные на вычленении форм и содержания подготовки археологов (Тихонов И.Л., 2003).

Метод сравнения используется в работах по историографии как на фактологическом, так и на историографическом уровнях. В первом случае он позволяет оценить выявляемые историографические факты как одновременные, так и диахронные (например, при сравнении различных периодов в истории археологии (Лебедев Г.С., 1992)), и определить значимость выделяемых в структуре археологического знания тех или иных историографических фактов (например, роль различных направлений в истории археологии (Генинг В.Ф., 1982)).

Типологический метод имеет объективную основу в том, что в историческом развитии; с одной стороны, различаются, а с другой стороны, тесно взаимосвязаны

единичное, особенное, общее и всеобщее (Ковальченко И.Д., 1987). Выражением типологического метода в истории археологии является метод выделения научных направлений и метод выделения научных школ, по существу являющимися частно-научными для историографии. О научных направлениях и научных школах никогда не говорилось как о методе исследования, но по своей сущности и уровню получаемого знания они являются таковыми. Как научное понятие в историографии археологии научное направление охарактеризовано В.Ф.Генингом (Генинг В.Ф., 1982). При неопределенности методики выделения научных направлений, метод существует в его стихийном конкретном выражении. Реальная практика выявления направлений в российской археологии осуществляется на основе разных критериев: в виде выявления тематических разделов (первобытная, античная, восточная, славяно-русская) (Формозов А.А.), господства теоретических концепций (диффузионизм, эволюционизм, географический детерминизм) (Монгайт А.Л.), определения господствующей парадигмы (Лебедев Г.С.). Это не дает необходимого представления о специфике научных направлений, их теоретическом, методологическом своеобразии.

Метод выделения научных школ в археологии никогда не применялся применительно к истории науки, хотя является весьма информативным способом изучения как прошлого, так и настоящего состояния науки. В широком историческом контексте научные школы в археологии выделяют на основе разных критериев. Помимо внешних критериев (национальная принадлежность, отношение к источнику, методам исследования, принадлежности к университетам, географическому принципу, влияния философских теорий), существенным критерием является выявление и анализ исследовательских программ.

Системный метод исследования возможен в развитии и углублении исторического исследования. Он предполагает проведение структурного и функционального анализа (Ковальченко И.Д., 1987). В историографии этот метод позволяет выявить на общем фоне ее развития состояние изученности отдельной или нескольких специальных проблем, обнаружить их взаимосвязь. История науки рассматривается как определенная система со всеми составляющими и взаимодействующими элементами: творчеством историка, деятельностью учебных и научных учреждений, публикацией трудов в периодике и т.п.

Большую группу методов можно отнести к частно-научным методам историографии. В научной литературе в качестве частно-научного часто упоминается метод регистрации. Он реализуется в форме хронологизованного перечисления открытий научных фактов (Ганжа А.И., 1987). Называется метод оценки определенного конечного состояния науки (Булкин В.А., Клейн Л.С., Григорьев Г.С., 1982). Суть его состоит в разделении всей проблемной области археологии на исследовательские направления, объединенные в два блока - эмпирический и интерпретационный. А.И.Гаижой был удачно применен метод построения историографических моделей на основе идеи исследовательских программ И.Лакатоса (Ганжа А.И., 1987). Широкое распространение в археологии получил метод портретного изложения (биографический; метод научной биографии). Для изучения научных школ биографический метод важен при изучении личности лидера школы и его учеников.

Можно говорить об использовании исторической информатики и клиометрики для решения задач статистического анализа историографических фактов (Кудрявцева О.М., 1988). Метод предметизации произведений печати предполагает установление количественных параметров предмета исследования и позволяет

произвести хронологический и синхронный срезы тематики публикаций. Методика метода состоит в классификации всех публикаций для определения удельного веса каждой проблемы и проведении количественного анализа проблемно-тематической структуры работ, продуктивности авторов, их научной квалификации, регионального принципа публикаций (Урсу Д.П., 1981, с.90).

При изучении истории археологии весьма ценную информацию на междисциплинарном уровне исследования можно получить, прибегая к методам психологии науки. Они эффективны при характеристике личности ученого, индивидуальных характеристик исследователей и взаимоотношений между ними в рамках научной школы (Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юевич А.В., Ярошевский М.Г., 1998).

Методический аппарат историографии археологии как уже использовавшийся для решения проблем, так и еще ожидающий своего включения в процесс научного творчества, весьма обширен. Важно корректное его использование при решении проблем, что определяется характером и содержанием решаемых исследовательских задач.

В §4. «Опыт изучения научных школ в историографии исторической науки» излагаются общие подходы в изучении исторических научных школ. Институализация историографии в особую научную дисциплину к середине XIX в. потребовала разработки специальной историографической систематизации и терминологии. Но уже тогда проявилась размытость и многозначность понятий, используемых для характеристики историографического процесса (например, понятие «направление», «школа»). Факт возникновения научных школ связывался с разными обстоятельствами. Это могла быть общность философских воззрений членов научной школы (Милюков П.Н., 1991). В основе формирования исторических школ назывались региональные особенности истории их развития (московская, петербургская), генетически восходящие к местным университетам (Милюков П.Н., 1991).

Традиция выделения региональных научных школ в историографии достаточно прочна. Особенно это касается выделения московской и петербургской исторических школ, что связывалось с ролью университетов, развивавшихся в особых местных условиях (Валк С.Н., 1948). Однако существует и противоположная точка зрения, оспаривающая географический критерий выделения научных школ. Есть указания на то, что выделение «петербургской» и «московской» школ русских историков - это легенда, которая получила распространение не только в буржуазной историографии, но нашла сторонников и среди некоторых советских историков» (Алпатов М.А., 1955). Зачастую факт существования школ в исторической науке связывался с именем их лидеров. Особенность каждой из выделяемых школ определялась, по мнению историографов, характером теоретических и методологических позиций их основателей или лидеров. В историографии неоднократно высказывания о том, что социальные структуры в науке иерархически взаимосвязаны между собой: понятие «научное направление» оказывается более широким по смыслу, чем понятие «научная школа» (Вайнштейн О.Л., 1940).

Тенденция к выявлению иерархической соподчиненности социальных структур в науке видна во многих историографических изданиях: научные школы являются составной частью сложившихся научных направлений. Весьма обстоятельно раскрывает тему иерархичности организации научного сообщества Е.В.Гутнова (Гутнова Е.В., 1985). Исследователь указывает, что под «течением» понимаются

широкие и аморфные группы историков, объединенные самыми общими методологическими принципами и, как правило, включающие в себя различные «направления» и «школы». Под «направлением» понимались более компактные группы ученых, тесно связанные между собой не только общими методологическими принципами, но и их интерпретацией, а также общей тематикой и проблематикой своих работ. Последняя, как правило, также определяется единством в вопросах методологии. Термин «школа» применялся для обозначения еще более узкой группы историков, составляющих ответвление широкого «течения» или даже «направления». Критерием для выделения «школы» чаще всего служили методические приемы, соединяющие группу историков, иногда то, что они были учениками и последователями одного крупного ученого или группировались вокруг одного университета (Гутнова Е.В., 1985).

Показательно, что выделение научных школ и направлений в отечественной историографии касалось главным образом дореволюционной российской и зарубежной исторической науки. Для советского времени был очевиден факт единства мировоззренческих позиций исследователей. Классовый критерий размывал своеобразие познавательного процесса в науке.

Попытка уйти от классового критерия была предпринята в постперестроечное время. По мнению Ю.Л.Бессмертного, под научной школой понимается совокупность историков, объединенных общностью как познавательных подходов, так и принципиальных оценок прошлого. Научное сообщество с меньшей внутренней интеграцией, каким является наукоучетение (направление), отличается то, что круг общих подходов и оценок здесь гораздо уже, но они охватывают принципиальные сферы. Научные течения, различающиеся по основным подходам и оценкам, но совпадающие в отдельных аспектах, обозначают понятием «движение». Наконец, можно себе представить и вовсе аморфную научную общность, включающую, например, всех авторов и читателей какого-либо исторического журнала, лишь изредка сплывающихся вокруг той или иной научной идеи (Бессмертный Ю.Л., 1990).

Среди перспективных подходов историографии в понимании феномена научных школ следует отметить мнение С.В.Чиркова, который полагает, что научные школы - это различные типы научной культуры, следовательно, необходимо изучать типологию научной культуры, передача традиций которой является одной из функций научной школы (Чирков С.В., 1990).

Принципиально новый - науковедческий - подход к изучению научных школ в исторической науке был предложен Г.П.Мягковым при исследовании «русской исторической школы» (Мягков Г.П., 2000). Им предпринята попытка определения специфики научных школ в гуманитарном познании, и в историческом в частности. Она состоит в более непосредственном влиянии на исторические школы социально-политических структур общества. Потому, полагает автор, при изучении школ в гуманитарных науках необходим их анализ с точки зрения философско-методологических и политических установок, анализ школы с точки зрения исследовательской конкретики и коммуникативной природы школы (Мягков Г.П., 2000). Рассуждая о применимости иерархического подхода в изучении исторических школ, Г.П.Мягков приходит к выводу о том, что «в старом понимании (как соподчинение течения - направления - школы) мы его принять не можем. Но это не значит, что собственно никакая иерархия в схолярном поле невозможна. Однако она может быть лишь *иерархией школ*, т.е. соподчинением *школы* более высокого порядка и *школы* более низкого порядка» (Мягков Г.П., 2000, с. 155).

Наиболее эффективным на современном этапе историографического изучения научных школ является соединение науковедческих представлений с практикой употребления термина «научная школа». Собственно историографический подход в изучении научных школ ограничивается лишь конкретно-исторической констатацией их существования, в то время как критерии выделения школ весьма размыты и не инвариантны (принадлежность к университетам, наличие общих познавательных подходов, классовые критерии, существование лидера школы и его учеников).

Глава вторая «Науковедческий подход в изучении научных школ в археолоши» посвящена выявлению науковедческих характеристик научных школ. В предметной сфере науковедения выявляются особенности организации исследовательских учреждений, рассматривается проблема управления научными коллективами, проблема научного творчества, вопросы подготовки кадров, взаимодействия ученых в процессе работы, анализируются социальные факторы, влияющие на содержание научных исследований.

В §1. «Науковедческая концепция научной школы» определяется содержание понятия «научная школа» (что важно для определения объема понятия) и выявляется система понятий, логически связанных с ним. Это позволяет сформулировать логическую модель научной школы, которую в дальнейшем можно будет наполнять конкретно-исторической информацией.

В науковедческих определениях понятия «научная школа» можно выделить инвариантные признаки. Они таковы: 1) научная школа - это коллектив ученых (принадлежность к одному научному учреждению необязательна); 2) в рамках такого коллектива под руководством лидера научной школы осуществляется деятельность в четырех основных аспектах: а) разработка конкретных проблем по исследовательской программе, в основе которой лежат идеи главы научной школы; б) подготовка молодого поколения исследователей; в) организация и координация общих усилий; г) утверждение особых норм взаимоотношений между членами научной школы как исследовательского коллектива (Никишенков А.А., 1982).

Научные школы благодаря этим характеристикам образуют динамические системы, которые обеспечивают преемственность научного знания и создают условия для его развития. Они являются таким социальным феноменом, который позволяет рассмотреть с единой точки зрения предметные, гносеологические, социологические характеристики археологии. Наиболее эффективным это осмысление оказывается с позиций системного подхода, т.к. научная школа относится к разряду системных объектов. В науковедении выделяются следующие элементы этой системы и соотносимые с ней понятия.

Исходным пунктом является осознание научным сообществом конкретной *научной проблемы*. Возникновение научных школ происходит в процессе осмысления научных проблем, решение которых связано с внутренними потребностями развития научного знания, либо с необходимостью удовлетворения определенного социального заказа. Поэтому внутринаучным фактором развития научных школ, вытекающим из необходимости решения конкретной научной проблемы, является *исследовательская программа* - центральная категория анализа научных школ. В ней отражено отношение научной школы к общепринятым образцам научной деятельности. Исследовательская программа научной школы, как правило, не является фиксированным документом. Ее можно сформулировать в результате анализа научной деятельности коллектива исследователей. Исследовательская программа имеет сложную познавательную структуру: общие ориентирующие

принципы и цели научной деятельности; теоретические представления о природе изучаемого явления; систему понятий и категорий; набор конкретных проблем исследования; конкретные методы описания и объяснения.

Лидер научной школы выступает автором идеи, которая принимается в качестве исходной при решении поставленных проблем. Вокруг лидера группируются члены научной школы. При этом концепция главы школы не тождественна исследовательской программе: не все идеи главы школы входят в число ее исследовательских программных установок. Поэтому исследовательская программа - это не просто система идей лидера, но система идей лидера, принятая к действию (Никишенков А.А., 1982).

В науковедении выделяют пять стадий реализации исследовательской программы (Карцев В.Б., 1982): 1) стадия готовности (предпрограммная) - этап выхода коллектива на соответствующий интеллектуально-ценностный уровень, включающий образование, контакты, овладение категориальной структурой рассматриваемой области знания; восприятие социального заказа в его наиболее обобщенной форме; 2) стадия выбора проблемы - выявление несоответствия данных теории и практики, постановка задач. Исследовательская программа осознанно или неосознанно выступает в своей самой первоначальной форме. Обнаружение проблемы может быть как результатом логического расчета, так и особой формы интеллектуального синтеза; 3) стадия разработки программы, обсуждения и решения задач. Исследовательская программа предстает перед ее разработчиками в виде системы конкретных задач, нуждающихся в методах решения; эти задачи являются фрагментами программы; 4) стадия реализации программы - разработка и осуществление конкретного плана деятельности; 5) стадия обеспечения социально-значимого результата деятельности - стадия внедрения - этап, на котором выдвинутая исследователями идея целенаправленно доводится до потребителя путем публикаций, лекций и т.п.

Исходя из этих стадий в развитии программы можно сделать вывод о том, что исследовательская программа выступает фактором рождения, развития научной школы и может служить фактором ее деградации и исчезновения.

Изучение процедуры построения исследовательских программ и их генезиса требует обращения к *иерархической структуре научной школы*. Ученые, составляющие научную школу, различаются по возрасту, компетентности, степени профессионального образования, эрудиции, практического опыта. Но во главе школы всегда стоит ее лидер. Его наличие как автора исследовательской программы - важный критерий идентификации научных школ. Лидер выполняет в рамках научной школы следующие функции: познавательные - через постановку задач в рамках исследовательской программы; педагогические - как воспитатель молодых исследователей; организационные - как организатор работы научного коллектива. Лидер включает своих учеников в разработку исследовательской программы. Он обладает развитым критическим талантом, который, будучи соединен с терпимостью, предоставляет ученику возможность самостоятельно пересматривать его собственную научную позицию. Ученик становится интеллектуальным партнером учителя, активно стимулирует учителя в ходе учебного процесса. Этому способствуют различные качества личности ученого. Науковеды обращают внимание на наличие научной интуиции, богатство идей, сильный характер, организационные способности, контактность, умение видеть и формулировать научную проблему (Родный Н.И., 1975, с.418). Существенным из них является обладание педагогическим даром. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно,

потому что обучение и преподавание - это иной, чем исследование, вид деятельности. Они редко сочетаются в одном лице.

Немаловажную роль в школе играют *субординационные связи*. Они отражают статус и роль членов коллектива в связи с их деятельностью по реализации исследовательской программы. Поэтому на вершине иерархии оказывается лидер научной школы и интеллектуальное ядро, развивающие систему знаний (Гасилов В.Б., 1977, с.19).

Научная школа стремится расширять круг сторонников своих идей. Поэтому ассимиляция *новых сторонников* научной школы - еще один ее структурный элемент. Образование и воспитание учеников - определенная гарантия непрерывности научной мысли. Необходимость пополнения научной школы требует от ее участников уделять внимание пропаганде своих идей и воспитанию следующего поколения ученых. Ученики - школьники, студенты, аспиранты, коллеги - воспринимают от лидера научной школы и ее интеллектуального ядра разные по составу и по функциям виды знания: 1) общекультурный фонд знаний, призванный подготовить ученика к деятельности вне сферы науки; 2) рутинные операции и процедуры, предназначенные для реализации исследовательской программы; 3) правила переноса рутинных операций и процедур в другие отрасли знания для выполнения аналогичных исследований; правила расширения и повышения концептуального уровня исследовательской программы данного научного сообщества; 4) нормы профессионального и социального поведения в научных сообществах (Гасилов В.Б., 1977).

Поэтому для развития научной школы необходимо наличие хороших учеников. Они должны обладать высоким уровнем развития интеллекта, логическим мышлением для того, чтобы участвовать в развитии и реализации исследовательской программы. Ученики должны испытывать интерес к исследованиям, обладать самостоятельностью суждений, критичностью мышления, позволяющей объективно оценивать чужие и свои результаты и не упустить конструктивные идеи.

Уместен вопрос о длительности существования научных школ. Наукovedы полагают, что она ограничена периодом реализации исследовательской программы (Гасилов В.П., 1977). Считается, что научная школа включает в себя, по крайней мере, два поколения ученых, разрабатывающих новое направление (Штейнер Г., 1977). Минимальный цикл, на который можно фиксировать существование научной школы, составляет три поколения: учитель - ученики - учителя - ученики и ограничивается периодом в два десятилетия (Мирский Э.М., 1978). По мнению Гриффит Б.Ч., Маллинз Н.Ч., требуется около 15 лет для достижения «взрывных» темпов роста «популяции» ученых, способной разместиться в рамках одной школы, схема ее роста напоминает модель распространения эпидемий. (Гриффит Б.Ч., Маллинз Н.Ч., 1975). При этом возникновение новой научной школы возможно из предшествующей.

Познавательным планом причастность к научной школе не ограничивается. Постоянно выступают два других вопроса: о *взаимотношениях* людей, образующих этот своеобразный коллектив и об *индивидуально-личностных притязаниях* его отдельных членов, каждый из которых рассчитывает на уникальность собственного вклада (Ярошевский М.Г., 1977; Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г., 1998). Статус и оценка индивидуального вклада каждого члена научной школы будет определяться оценкой программы и исследовательского аппарата школы. Члены «внешнего»

научного сообщества могут за основание оценочного суждения принимать, прежде всего, принадлежность к научной школе. Поэтому индивидуальное достижение ученого может быть дезавуировано его принадлежностью к научной школе. С другой стороны, возможен перенос «ореола» школы на ее члена, внесшего незначительный вклад в развитие программы (Гасилов В.П., 1977). Но так или иначе необходимым условием существования научной школы является внутринаучное признание и признание социальное, за пределами непосредственных коллег по профессии.

Научные школы отличаются между собой не только своеобразием исследовательских программ, но и различной степенью влияния на научное сообщество и развитие науки в целом. Это зависит от *масштабов научного вклада*, определяемого *концептуальными событиями*, продуцируемыми научными школами. К концептуальным событиям принято относить *выдвижение новой проблемы, создание новой теории или гипотезы, формирование нового понятия, развитие теории, открытие законов, правил, открытие новых явлений, создание новых методов исследования, накопление фактического материала* (Родный Н.И., 1975).

Содержание этих научных событий определяет *тип конкретной научной школы*. *Авангардная* школа продуцирует принципиально новые программы, исследовательский аппарат и концептуальные события высокого ранга. Программа быстро завоевывает сторонников из числа последователей устоявшихся программ. Она быстро разветвляется в программы нескольких «незримых колледжей». «Незримый колледж» – еще один феномен организации ученых в науке в структуре научной школы. Он объединяет группу ученых, работающих над сходными исследовательскими проблемами. В отличие от научных школ, колледж аморфен, деятельность его членов носит сугубо индивидуальный характер, его члены разделены географически, они добровольно входят в него, при этом высокой остается текучесть кадров (Крейн Д., 1976).

Конкурирующая научная школа является локальным сообществом ученых, разрабатывающих исследовательскую программу, хотя неэквивалентную и близкую по времени выдвижения программе «авангардной» школы, но продуцирующих концептуальные события более низкого ранга. *Автаркическая* школа довольствуется привилегированным положением в отдельном регионе и не претендует на инкорпорацию своих достижений общезначимым фондом знаний. *Компрадорская* научная школа – научное сообщество, изолированное от общезначимого фонда знаний. Ее программа, формы, способы и основные результаты скомпилированы лидером школы из недоступных для всех остальных членов школы источников без ссылки на действительных авторов этих достижений и «переведены» на «оригинальный» язык, разработанный лидером. *Этигонская* школа разрабатывает программу и исследовательский аппарат, генерированные известным авторитетным ученым прошлого, апеллирующие к устаревшим системам категорий (Гасилов В.П., 1977).

§2. «Соотношение предмета науковедения, историографии, истории науки при изучении научных школ в археологии» связан с определением возможностей разных наук в системе единого рассмотрения научной школы и раскрывает механизм междисциплинарного взаимодействия при изучении школ в науке.

Для историографии существование научных школ связано с аргументацией от научной традиции. Но, к сожалению, в ней практически отсутствуют работы, цель которых состоит в выяснении вопроса о том, почему именно это конкретное объединение ученых получило название научной школы. Иначе встает эта проблема

в науковедении. Для идентификации объединений науковедческому исследованию требуется наличие i-руппы инвариантных представлений о научной школе (Мирский Э.М., 1977).

Важно не только разграничить познавательные возможности историографии и науковедения, но и определить характер взаимосвязи этих подходов. По мнению Э.М.Мирского, историографические исследования выступают в качестве фактологической базы науковедческих исследований объединений ученых (Мирский Э.М., 1978). Это наблюдение весьма значимо для настоящего исследования, поскольку оно обосновывает необходимость междисциплинарного подхода в изучении научных школ, демонстрируя системный характер связей между историографическим и науковедческим подходом к изучению научных школ. Именно на методологическую сторону возможностей науковедения обращал внимание Г.С.Лебедев, полагая, что общие принципы науковедения распространяются и на историю отечественной археологии. Использование методологии науковедения, по его мнению, позволит «наметить пути движения к конкретному материалу, в частности к прошлому археологической науки в России» (Лебедев Г.С., 1992, с.6).

§3. *«Роль социальных факторов в формировании научных школ»* раскрывает значимость вненаучных факторов на процесс формирования научных школ. Одним из них является деятельность научного коллектива по поиску и решению социально-значимых проблем. Особую роль в этом поиске играет лидер коллектива. Его способность откликнуться на общественную потребность, соотнести ее с внутренними потребностями развития научного знания через выдвижение идеи и исследовательской программы, во многом предопределяет трансформацию обычных научных коллективов или участников «незримого колледжа» в научную школу.

Однако трансформация коллектива в научные школы в процессе решения научной проблемы в археологии оказалась возможной при учете еще одного социального обстоятельства. Научная школа потому и школа, что в процессе решения конкретной научной проблемы принимают участие не только квалифицированные ученые. В школе идет постоянный процесс приобщения молодых исследователей к работе по исследовательской программе. Поэтому классические университеты с их широкими возможностями познавательной, образовательной, педагогической деятельности стимулировали в археологии возникновение отношений «учитель-ученик» и стали фактором, способствующим превращению обычного исследовательского коллектива в научную школу.

Уникальность классических университетов состоит в том, что профессора и доценты совмещают два вида деятельности: производство научных знаний и обучение студентов. Соединение преподавания и исследовательской деятельности - сущностное свойство университетского преподавателя. При этом показателем профессионализма являются не знания ученого сами по себе, но личностные качества, в первую очередь развитые творческие способности, повышенная чувствительность ко всему передовому, инициативность, базирующаяся на высокой интеллектуальной культуре. Наиболее эффективным путем формирования интеллектуальной культуры является вовлечение студенчества на начальных этапах обучения в вузе в реальный научно-исследовательский процесс обеспечивающий самостоятельность будущих специалистов. Отсутствие границ в рамках университетов между научным исследованием и преподаванием приводит к тому,

что в процессе обучения студентов происходит приращение интеллектуального содержания науки (Ляхович Е.С., Лукина Н.П., 1988).

Важную роль в существовании научной школы в рамках университетов играет учебный план, позволяющий проводить спецкурсы и спецсеминары. Они позволяют к общим сведениям учебников присоединять ознакомление с современными проблемами науки. В рамках спецкурсов студенты работают над реальными программами. Для их выполнения они осваивают новые разделы и методы науки.

Университет позволяет в единстве решать образовательные, исследовательские, педагогические, организационные задачи, что имеет первостепенное значение для механизма развития научных школ. В этой связи особую роль в функционировании научных школ в университетах приобретает управление наукой. Его компетентность состоит в реагировании на трансформации научных коллективов в научные школы, создании благоприятных условий для их деятельности (Келле В.Ж., Кугель С.А., Майзель И.А., Рябов А.А., Черняков Н.С., 1992).

Характеристике конкретной научной археологической школы на основе разработанной концепции посвящена третья глава «Пермская научная археологическая школа О.Н.Бадера». Созданный О.Н.Бадером в Перми коллектив археологов научная традиция давно именует научной школой (Бадер Н.О., 2001; Крайнов Д.А., 1975; Оборин В.А., 1983; 1998). Но при этом важной познавательной задачей остается обоснование того, почему коллектив, созданный О.Н.Бадером в Перми, действительно являлся научной школой.

Исследованию генетических и организационных предпосылок создания пермской археологической школы посвящен §1. «Исторические предпосылки создания пермской археологической школы». Рассматривается *русская дореволюционная традиция в изучении Прикамья*. Исследование памятников на этой территории было начато еще в XVIII в. в период «ученых путешествий» Академии наук. Следует отметить сильную местную традицию в археологическом изучении Прикамья в XIX - начале XX в. (В.Н.Берх, П.В.Алабин, К.И.Невоструев, А.Е. и Ф.А.Теплоуховы, А.Ф.Лихачев, П.А.Пономарев, А.А.Штукенберг, Н.Ф.Высоцкой, А.А.Спицын, И.Д.Нефедов, С.И.Сергеев, Н.Н.Новокрещенных, Н.Г.Первухин, В.А.Борисов, Л.А.Беркугов, М.В.Малахов, П.А.Пономарев).

Важным этапом в развитии интеллектуальных и организационных предпосылок для складывания пермской археологической школы стало открытие университета в Перми в 1916 г. Хотя классические университеты России до революции не занимались подготовкой археологов, в их структуру входили музеи изящных искусств и древностей, в той или иной мере связанные с археологией. В Пермском университете такой музей стал комплектоваться сразу с момента его открытия. Он предназначался для учебных, научных и просветительских целей. Большую роль в собирании и систематизации его коллекций сыграли первые хранители музея - профессор Б.Л.Богаевский и сменивший его А.В.Шмидт.

Особенно заметной для будущей пермской археологической школы стала *деятельность А.В.Шмидта*. В 1916 г. он окончил историко-филологический факультет Петроградского университета и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Революция и гражданская война застали А.В.Шмидта в Перми.

Университетские программы после превращения историко-филологических факультетов в 1920 г. в факультеты общественных наук не предполагали специального археологического обучения студентов. Тем не менее, можно утверждать, что А.В.Шмидтом были заложены основы университетского

археологического образования в Перми. В 1923 г. он разработал курс «История Пермского края», который явился результатом активного ознакомления А.В.Шмидта с местными памятниками. Этому способствовала работа ученого над археологическими проблемами местной истории - разбор и составление описи коллекций Теплоуховых и Пермского губернского музея, собственные разведки и раскопки. Он ввел в практику подготовки историков археологические экскурсии, руководил студенческими обследованиями доисторических памятников. В 1924 г. А.В.Шмидт покинул Пермский университет. Но проблематика прикамского региона стала с тех пор предметом его изысканий. Он продолжил свои более чем десятилетние работы в Прикамье по линии АН. Под руководством А.В.Шмидта (1932), затем Н.А.Прокошева (1933-1937), *археологическое изучение Прикамья в довоенные годы* продолжалось КАЭ ГАИМК. Отличительной чертой этой экспедиции стала планомерность и широкий тематический размах исследований. Несмотря на многолетние работы экспедиции ГАИМК, все же остались неосвещенными многие вопросы первобытной истории Прикамья. К тому же по причине войны публикация материалов была крайне затруднена.

Объективно до середины 40-х гг. XX в. отсутствовали предпосылки планомерного постоянного, сплошного изучения археологических памятников Прикамья местными исследователями. Пермский университет на историко-филологическом факультете при своем открытии не предполагал подготовки специалистов-археологов. Слабая материальная база препятствовала проведению обширных и регулярных археологических изысканий.

§2. «О.Н.Бадер - лидер научной школы археологов в Пермском университете. Очерк научной биографии до приезда в Пермь (1903-1946 гг.)» исследует черты личности *О.Н.Бадера*, которые способствовали формированию в нем качеств лидера новой научной школы. Анализируется деятельность О.Н.Бадера *в довоенные годы*. В материалах архивов, публикациях биографического характера (Крайнов Д.А., 1975; Кольцов Л.В., 1980; Оборин В.А., 1983; 1998; Паника С.А., 1999; Бадер Н.О., 2001; Пермский университет в биографиях ученых, 2001) его учениками, коллегами, историографами отмечаются глубокое знание предмета, наличие научной интуиции, сильный характер, блестящие организационные способности, умение видеть и формулировать научную проблему, способность к совместной работе, настойчивость в достижении поставленной цели, умение формировать общественное мнение, высокая работоспособность, педагогический дар.

О.Н.Бадер родился 29 июня 1903 г. В 1926 г. окончил Археологическое Отделение МГУ. Он посещал лекции Д.Н.Анучина, Б.С.Жукова, В.В.Бунака, Б.А.Куфтина по антропологии, лалеознанию и этнографии. Привлечение естественных наук к археологическим исследованиям стало характерной чертой его дальнейшей научной деятельности. Будучи студентом, он произвел ряд самостоятельных обследований и раскопок, разработал и издал методику полевых археологических обследований. С конца 20-х гг. заведовал подотделом археологии Московского Областного Музея Краеведения. Одновременно, еще до окончания университета, с 1924 г. привлекался к университетскому преподаванию археологии. После окончания МГУ был зачислен в его штат по кафедре антропологии. С 1926 по 1942 г. работал в Институте Антропологии МГУ. Вел по его поручению обширные полевые исследования по первобытной истории народов СССР. С 1935 г. по 1941 г. при кафедре антропологии МГУ читал общий курс археологии, курс археологии СССР и ряд специальных курсов. Начиная с первых музейных курсов в 1926 г., неоднократно преподавал на курсах по подготовке музейных работников.

С 1933 г. до начала войны являлся сотрудником ИИМК, где руководил рядом крупных экспедиций. Плодотворная научная деятельность О.Н.Бадера была оценена в 1937 г. присуждением ученой степени кандидата исторических наук (без защиты диссертации).

В июле 1941 г. ушел добровольцем в народное ополчение. Но в сентябре 1941 г. был переведен в тыл по национальному признаку (семья О.Н.Бадера происходила из русских немцев Латвии) в Магнитогорск, затем в Нижний Тагил, где, находясь в трудармии, начал работать по уральской проблематике.

О.Н.Бадер в годы Великой Отечественной войны разделил участь советских немцев, осенью 1941 г. выселенных в Зауралье. В Нижнем Тагиле он попал в спецотряд, в котором оказалось много крупных ученых. В лагере возникла «малая академия», где своими знаниями делились выдающиеся ученые, готовили доклады - каждый по своей специальности. К концу 1946 г. трудармия была в основном демобилизована, но немцы не получили разрешения вернуться на прежние места жительства. По приглашению ректора ПГУ А.И.Букирева О.Н.Бадер оказался в Перми. В сентябре 1946 г. он был зачислен в штат университета в качестве доцента кафедры всеобщей истории. О.Н.Бадер был уже сложившейся личностью и достаточно авторитетным ученым, усвоившим исследовательские программы своих учителей, восходящих к палеоэтнологическому направлению в русской археологии. Он имел богатый опыт исследовательской, организационной, педагогической работы. Своими предшествующими исследованиями ученый был подготовлен к тому, чтобы в ПГУ реализовывать исследовательскую программу этого направления. Ее целью было проследить истоки человечества и изучить ранние его культуры с ориентацией на науки не только гуманитарного, но и естественного цикла.

§3. «Организационные основы пермской археологической школы» посвящен выявлению и характеристике организационных форм научной школы. Исследуются *организационные условия создания пермской школы археологов*. После войны в Пермском университете необходимо было устранить ее последствия, укомплектовать профессорско-преподавательские штаты высококвалифицированными специалистами, расширить и улучшить учебную и научную деятельность факультета. По учебному плану кафедры всеобщей истории О.Н.Бадер начал вести курсы по истории первобытного общества, основам археологии и этнографии, истории доклассового общества Древнего Востока, истории первобытного общества в Средней России. Он был занят организацией кабинета археологии, руководством практикой. С 1947-1948 уч. г. стал вести спецкурсы по археологии.

Начиная свою работу в Перми, ученый осознавал, что археологическое изучение региона невозможно усилиями одного исследователя. Поэтому свою деятельность в ПГУ О.Н.Бадер начал с создания эффективных форм организации научной деятельности. Опираясь на свой довоенный преподавательский опыт, О.Н.Бадер предпринял энергичные усилия для создания такой организационной структуры будущего научного объединения, которая обеспечивала бы необходимую коммуникацию между членами коллектива, создавала максимально удовлетворительные условия для индивидуальной деятельности ученых, делала возможным благожелательное восприятие представленных идей со стороны научной и широкой общественности.

Развитие археологии в ПГУ с самого начального момента работы в нем О.Н.Бадера планировалось им как устойчивая структура с далеко идущими целями и задачами. Формирование коллектива археологов на базе университета

обеспечило возможность притока кадров и вспомогательного персонала для масштабных исследований. Дальновидным шагом явилась организация специализации по археологии на кафедре всеобщей истории, создание студенческого научного археологического кружка, КАЭ ПГУ и музея археологии.

Кружок археологии стал основой научной школы О.Н. Бадера. Он был создан осенью 1946 г. На его заседаниях обсуждались вопросы теории и практики археологии. Студенты принимали участие в организации кабинета археологии, разборе Теплоуховской коллекции областного музея. Руководство вуза отмечало, что «по своей четкой целеустремленности, ясности задач и перспектив кружок представляет собой зародыш настоящей научной школы (выделено мной - О.М.), к созданию которой должен стремиться каждый научный работник» (ГАПО, ф.р-180, оп.2, д.238, л.96). Студенты организовали также кружки археологии для учащихся. Это было принципиально важно, ибо с созданием школьных кружков открывалась возможность широкой популяризации археологических знаний и решалась задача пробуждения интереса к археологии у школьников, что содействовало притоку кадров в археологию.

Участие в кружке способствовало вовлечению студентов в научную работу. Студенты-археологи активно участвовали в студенческих научных конференциях. Тематика их докладов неразрывно связана с теми материалами, которые они получали в ходе полевых работ. Систематизация источников, попытки объяснения тех или иных археологических явлений делали эти доклады самостоятельными исследованиями.

Непосредственное участие в раскопках, сопричастность к открытию новых материалов, возможность обсуждения идей со сверстниками и старшими коллегами в рамках студенческого кружка, способствовали раннему формированию навыков исследовательской работы и стремлению к самостоятельной научной деятельности. Археологический кружок явился удачной организационной формой, привлекавшей в археологию немалое число студентов.

Одновременно с организацией археологического кружка в 1946 г. О.Н. Бадер активно работал над созданием кабинета археологии. Предполагалось, что он станет учебно-методическим центром до создания кафедры археологии. Кроме того, кабинет археологии должен был осуществлять руководящую роль в археологическом изучении Урала, осуществлять связь с научными организациями, координировать исследования уральских музеев и краеведов.

Для продуктивной работы в кабинете археологии были собраны археологические коллекции (муляжи и подлинники), антропологические скульптурные реконструкции М.М. Герасимова, слепки черепов ископаемого человека. Кабинет получил диапозитивы, снимки для учебного альбома по археологии СССР. Ценным пополнением музейных собраний кабинета явились материалы по археологии Западной Европы и Мексики. С организацией кабинета на историко-филологическом факультете появилась специальность - археология.,

О.Н. Бадер рассматривал кабинет археологии как составную часть в профессиональной подготовке археологов, позволяющей студентам в непосредственной исследовательской деятельности осваивать теоретические и методологические основы археологии. Контакты с краеведами и местными уральскими музеями, специалистами столичных научных учреждений

способствовали развитию и укреплению научных связей со студенческой порой, формировали организационные способности студентов, позволяя оценивать состояние науки и ее перспективы, самостоятельно включаться в решение проблем.

Логическим продолжением организационной деятельности стала *организация специализации по археологии*. Она была создана в 1947 г. и стала первой в провинциальных вузах СССР. В основе организации специализации лежала идея освоения студентами исследовательских традиций. Для этого следовало начинать со студенческих лет научно-исследовательскую работу по специальности, осваивать марксистско-ленинскую методологию, обучать студентов самостоятельной работе над источниками. Неотъемлемой частью подготовки специалистов было воспитание взаимоотношений на принципах товарищеского сотрудничества, осознания себя членом научного коллектива. Важно публиковать лучшие студенческие работы, в процессе обучения осваивать междисциплинарные связи.

Учебный план для специализации «археология» предполагал изучение основ археологии, каменного, бронзового, железного веков, античной археологии, славяно-русской археологии, истории археологических знаний, начиная со второго курса. Новым элементом в обучении молодых археологов были коллоквиумы студентов старших курсов, где в дискуссиях выкристаллизовывались многие концептуальные положения современной уральской археологии. О.Н.Бадер привлекал к чтению лекций специалистов других наук - профессоров ЛГУ, археологов, приезжавших в Пермь для изучения коллекций, а также краеведов и музейных работников.

Последовательное решение проблем уральской археологии отразилось в тематике курсовых работ студентов, ставших впоследствии основой для написания дипломных и диссертационных работ. В отзывах на курсовые и дипломные работы О.Н.Бадер не делал скидок на то, что это студенческие работы. Поэтому многие работы студентов были опубликованы в научных изданиях.

Создание специализации по археологии стимулировало развитие археологии в регионе, в том числе, за пределами Пермской области. Специализация позволила не только обучить новое поколение археологов (Чубарова Р.; Генинг В., Оборин В., Денисов В., Медведева Т.; Ланько М., Медникова Э., Неприна В., Поносова И.; Мажитов Н., Могильников В., Матвеева Г. Рубленова В., Попов Г., Пьянкова Н.; Соколова З., Чистин А., Ширилкина А.; Кадиков Б., Кокорев А., Крылов В., Поляков Ю., Некрасова Т.), но и в процессе обучения проводить самостоятельные научные исследования, имеющие значение для всей региональной археологии. Процесс обучения исследовательской программе, разработанной О.Н.Бадером, оказался весьма продуктивным благодаря университетской системе образования. Она способствовала развитию отношений «учитель-ученик» в сфере обучения археологии и стала важнейшим фактором, способствующим превращению обычного исследовательского коллектива в научную школу. Это позволило формировать интеллектуальную культуру молодого поколения исследователей. Наиболее эффективным путем ее формирования стало вовлечение студентов на начальном этапе обучения в реальный исследовательский процесс, что наиболее характерно для научной школы.

О.Н.Бадер стремился устроить дальнейшую научную судьбу своих учеников с тем, чтобы археологически охватить как можно более обширный регион. Выпускники специализации оставались для педагогической работы в вузе, направлялись в аспирантуру, работали в музеях и НИИ региона.

§4. «Организация КАЭ и ее роль в формировании научной школы в Пермском университете» посвящен определению места КАЭ в формировании научной школы. Создание экспедиции явилось реализацией единого замысла по организации археологической деятельности в вузе. КАЭ была создана как многолетняя экспедиция. Перед ней ставилась задача систематического изучения археологических памятников Прикамья. Первоначально акцент был сделан на изучение древнейшей истории Урала, но очень скоро исследовательская деятельность КАЭ стала охватывать все этапы первобытной и средневековой истории Прикамья.

КАЭ создала возможность для быстрого приобретения и совершенствования навыков полевой работы и практического ознакомления с материалом, который использовался студентами для курсовых и дипломных работ. В ее работе принимали участие сотрудники ИИМК. Но с 1947 г., после создания специализации, разведки и раскопки производились студентами старших курсов по Открытым листам АН с соблюдением методики, разработанной в КАЭ.

Востребованность студентов проявилась в совместных исследованиях КАЭ с Уральской палеонтолого-стратиграфической экспедицией Института геологических наук АН, ИА МГУ, УдНИИ, Удмуртского республиканского, Молотовского, Чердынского, Соликамского, Кунгурского музеев, музея антропологии МГУ, Молотовского и Свердловского областного отделов культпросветработы.

Во время раскопок, помимо полевых исследований, студенты и их руководитель вели активную популяризаторскую работу среди населения. Результаты археологических изысканий публиковались в основанной О.Н.Бадером серии сборников «Труды КАЭ ПГУ», «Труды К(В)АЭ», «Труды НКАЭ». За первые 10 лет работы КАЭ были опубликованы три тома «Трудов КАЭ» и около 200 исследований по археологии Прикамья. Материалы, полученные экспедицией, стали основой студенческих научных исследований, дополнили коллекции многих музеев.

Логическим завершением в становлении организационных основ пермской научной школы археологов стало создание в 1954 г. *музея археологии*, явившегося результатом работ КАЭ. Он стал крупнейшим в СССР собранием по истории материальной культуры Приуралья как по полноте, так и по новизне и качеству документации материала.

Университетский музей взял на себя функции методического центра для музейно-краеведческой работы в Приуралье, стал базой для общеобразовательной и культурно-массовой работы. Его взаимосвязь со всеми другими элементами системы университетской археологии позволяла в единстве решать познавательные, обучающие, просветительские задачи.

Значимым событием в оформлении пермской археологической школы стало первое Уральское археологическое совещание. В §5. «Первое Уральское археологическое совещание как форма консолидации археологической науки на Урале вокруг' исследовательской программы О.Н.Бадера» анализируются его наиболее значимые итоги для истории пермской научной школы. *Задачи Уральского археологического совещания* предполагали налаживание научных коммуникаций как внутри регионального, так и общенаучного сообщества. Следовало также консолидировать археологические силы региона с целью выработки единой научной политики и разработки плана археологических исследований на Урале.

Для координации плана археологических исследований была создана комиссия в составе О.Н.Бадера, А.В.Збруевой и К.В.Сальникова. Совещание утвердило список первоочередных исследований археологических памятников в зонах новостроек, определило актуальные проблемы древнейшей истории Урала.

Благодаря организующей роли археологического совещания к исследованиям было привлечено внимание общественности, в них стали активно принимать участие музеи, академические учреждения, вузы, краеведы. Активная популяризация археологических знаний, широкая полевая деятельность и целенаправленная публикация материалов раскопок, тесная взаимосвязь со специалистами ведущих центров «раны, междисциплинарное сотрудничество - все это заложило новые исследовательские традиции и стало базой для развития археологии на Урале в последующие годы.

В §6. «Исследовательская программа О.Н.Бадера в Пермском университете» реконструируются содержательные и методические основы исследовательской программы. Основополагающую роль в раскрытии ее содержания играют материалы первого Уральского археологического совещания, отчеты о деятельности КАЭ и, в особенности, книга О.Н.Бадера «Археологические памятники Прикамья. Пособие для начинающих краеведов и археологов» (1950).

Первоначальные цели деятельности в изучении археологического прошлого касались исследования памятников, известных по дореволюционным и предвоенным изысканиям в зонах новостроек Прикамья. В ходе изысканий эта задача была расширена: для содержательной части исследовательской программы - составление культурно-хронологической схемы древней истории населения Прикамья - потребовалось изучение памятников всех эпох - от палеолита до родановской культуры. Такой подход вытекал из марксистского унитарно-стадиального понимания исторического процесса, определившего цель советской археологии как изучение истории человеческого общества на всех ступенях его развития, поскольку эта история может быть освещена сохранившимися остатками материальной культуры.

Широкомасштабные работы требовали совершенствования полевой археологии. В СССР в послевоенные годы поиски приемов раскопок шли в каждой экспедиции. Многообразие статей такого рода свидетельствовало о наличии в науке проблемы в решении вопросов полевой методологии. Свое решение было предложено КАЭ.

В наиболее полном варианте методики обнаружения древних поселений и могильников, программы их обследования опубликованы О.Н.Бадером в книге «Археологические памятники Прикамья» (Бадер О.Н., 1950). В других публикациях, также постоянно подчеркивалась новизна, привнесенная КАЭ в процессе изучения древностей Прикамья. Жилища вскрывались горизонтальными зачистками одновременно по всей площади раскопа, с оставлением узких «бровок», фиксацией очертаний и всех находок на каждом горизонте через 20 см особым цветом и подразделением материала по тем же горизонтам и метровым квадратам. В Прикамье, сохранившем лесной покров, почти исключалась возможность собирать культурные остатки на поверхности. Основным приемом обнаружения памятников стали поиски и фиксация слабых округлых впадин на поверхности, сохранившихся на месте разрушившихся жилищ-полуземлянок. Почти все из вновь открытых КАЭ поселений были обнаружены именно так.

Методика изучения жилищ была разнообразной. Полуземлянки вскрывались прямоугольной площадью, выходившей краями за пределы впадины. Это давало возможность фиксировать очертания впадины на светлом фоне стерильного песка.

Выемка земли производилась по горизонтам толщиной в среднем 20 см. Все находки наносились *условными* значками на план каждого горизонта. Материал брался с места раскопок полностью, подразделялся по участкам в 1 кв.м отдельно с каждого горизонта, что облегчало выяснение соотношения материала при его камеральной обработке (Бадер О.Н., 1961).

Другим методическим приемом стало решение вопросов культурной стратиграфии. Отсутствие многослойных поселений с хорошо выраженной стратиграфией при наличии разнородного материала для расчленения разновременных керамических комплексов потребовало проведения раскопок наиболее бедных поселений, давших при разведках однородный материал (Бадер О.Н., 1961).

Раскрывая особенности камеральной работы, О.Н.Бадер подчеркивал необходимость анализа всего материала. В его описании применялись статистические подсчеты и вычисления процентных соотношений массового материала. При обработке керамики за единицу подсчетов принимался не отдельный фрагмент, а сосуд. Предварительно все фрагменты разбирались по заведомо разным сосудам, для чего использовались преимущественно обломки шеек, затем по каждому поселению с подразделением по жилищам составлялась рабочая ведомость с обозначением диаметра горла, толщины венчика и стенок, обработки поверхности каждого сосуда, присущих ему примесей в глине, элементов орнамента, основных орнаментальных узоров. Во всех возможных случаях сосуды реставрировались или получали чертежную реконструкцию (Бадер О.Н., 1961).

О.Н.Бадер использовал в работе петрографический анализ состава глиняного теста, структурный анализ металлических изделий, пылецевой анализ, геоморфологический анализ, методы геологических исследований. Ставились опыты геофизических поисков погребений на основе метода электроразведки.

Для методических приемов, разработанных КАЭ, было характерно не только описание позитивного результата, но и негативного опыта.

Проведенные обширные исследования Пермского Прикамья, а также расширение работ КАЭ в связи со строительством Боткинской ГЭС на Среднее Прикамье привели к построению культурно-хронологической периодизации археологических памятников региона. Изучение памятников всех археологических эпох позволило говорить достаточно обоснованно о конкретно-исторических характеристиках этих периодов в истории региона. Они составили содержание выполняемой научной школой исследовательской программы. Причем ее задачи, методические приемы, критика предшествующих идей сопровождалась корректировкой в связи с расширением источниковедческой базы. В динамизме состояла жизнеспособность исследовательской программы на протяжении длительного времени. Правда, с отъездом О.Н.Бадера из Перми, она уже не имела сколько-нибудь новых познавательных идей, и школа постепенно стала трансформироваться в незримый колледж, используя уже полученный исследовательский опыт и расширяя его за счет источниковедческой базы.

Принятая в диссертации *периодизация исследовательской программы* позволяет выделить основные этапы в развитии пермской археологической школы. *Стадия готовности* в организационном плане связана с приходом О.Н.Бадера в ПГУ и созданием в 1946-1947 гг. студенческого кружка, кабинета археологии и специализации по археологии. Овладение основными понятиями археологии, знакомство с полевыми и лабораторными исследованиями привело к формированию у студентов стойкого интереса к археологии. К весне 1947 г. молодой

научный коллектив кружковцев во главе со своим учителем переходит к следующей стадии в развитии исследовательской программы - *стадии выбора проблемы*. Она нашла содержательное воплощение в первом Уральском археологическом совещании, которое сформулировало важнейшие проблемы в изучении археологии региона.

При этом осознавалось, что главная цель научной деятельности связана на этом этапе с широкомасштабными полевыми археологическими исследованиями и выявлением памятников всех известных археологических эпох и периодов. Это совпало по времени с организацией летом 1947 г. КАЭ, что свидетельствовало о переходе коллектива к новой стадии в реализации программы - *стадии разработки программы*. Задачи и методы их разрешения обсуждались как в полевых условиях, так и в рамках специализации по археологии.

Осуществление плана деятельности КАЭ в последующие годы свидетельствует о переходе коллектива на *стадию реализации программы* - разработки и осуществления конкретного плана деятельности, в котором активно принимают участие студенты, краеведы, музейные работники. С начала 50-х гг. коллектив публикует свои материалы не только в виде информации о работе КАЭ за определенные годы, но и отдельные исследования о конкретных изученных археологических памятниках, истории археологии в Прикамье, об организационных формах археологической работы в ПГУ (кабинете археологии и музее археологии). Среди авторов публикаций не только лидер коллектива, но и его ученики - В.А.Оборин, В.Ф.Генинг, З.П.Соколова, Б.Г.Тихонов.

Издание работы О.Н.Бадера «Археологические памятники Прикамья и их научное выявление» (1950) были сформулированы основные идеи методического свойства - в виде описания методики полевых исследований. В ней были описаны общие черты ранней истории Прикамья по сменяющим друг друга эпохам с характеристикой археологических памятников, определением их исторического значения. С 1952 г. студенты специализации начинают вести самостоятельные раскопочные работы на основании полученных ими Открытых листов, что подтверждало уровень их квалификации как сложившихся исследователей. Написание дипломных работ, оценка которых была достаточно высокой, демонстрировало способность студентов к самостоятельному ведению научных исследований.

Можно утверждать, что формирование научной школы началось с осени 1946 г. К началу 50-х гг. мы видим сложившийся научный коллектив, способный самостоятельно решать научные задачи по исследовательской программе, инициированной его лидером. Исследовательская программа развивалась достаточно динамично, ее корректировка происходила с учетом получаемого археологического материала. Строительство Боткинской ГЭС счастливо совпало с возможностями сложившегося коллектива расширить поле своей научной деятельности с территории Пермского Прикамья на территорию Среднего Прикамья.

Судьба пермской научной школы связана с личностью ее руководителя. В 1955 г. О.Н.Бадер получил возможность вернуться в Москву. До 1958 г. он продолжал руководить комплексной КАЭ, публиковал, редактировал выпуски «Трудов» экспедиции и ежегодные отчеты о ее работе. В 1959-1960 гг. он возглавлял Боткинскую, с 1968 г. - Нижнекамскую экспедиции АН, Руководство ими позволяло О.Н.Бадеру ставить познавательные задачи перед своими учениками. В 1955 г, в связи с его отъездом из Перми специализация по археологии была упразднена.

Занятия студентов по археологии в университете проводились под руководством ученика О.Н.Бадера В.А.Оборина. Это организационное обстоятельство стало значимым в судьбе научной школы. По сути, она превратилась в незримый колледж. Ученики О.Н.Бадера первоначально на новых местах своей работы продолжали исследовательские традиции учителя, в особенности в области организации полевой и кабинетной работы. Многие из них опирались на организационный опыт пермской школы - ими создавались кабинеты археологии, экспедиции, музеи археологии, специализации по археологии, комплекс специальной периодической научной литературы. Не все ученики смогли сформулировать собственные исследовательские программы, отвечая на новые общественные потребности. В ПГУ же, как представляется, до сих пор продолжает реализовываться исследовательская программа О.Н.Бадера, возможно потому, что непосредственный научный контакт со своими учениками в Перми был наиболее продолжительным во времени.

Создание пермской археологической школы было ответом на общественные запросы, связанные с необходимостью изучения древнейшей истории народов, населяющих Урал и сопредельные территории. Задача целенаправленных исследований этого обширного региона потребовала полевого изучения этих памятников как основы для воссоздания древней истории. Поэтому акцент в решаемых задачах научной школы был сделан на всемерное полевое исследование памятников археологии, с последующим детальным изучением в кабинете археологии. Отсутствие квалифицированных кадров в регионе, по сути представленных в Перми только О.Н.Бадером, потребовало большого напряжения сил, поскольку обучение молодых кадров археологов и исследование древних памятников происходили одновременно. Студенческие полевые исследования формировали в учениках организаторские, педагогические способности, умение ставить и решать поставленные задачи, активно изучать теорию и методологию археологии. Эта самостоятельность при эрудиции и интуиции лидера школы, привлекавшего для чтения лекций специалистов из столичных научных учреждений, а также ученых, представляющих другие научные дисциплины, способствовали быстрому становлению молодых ученых. Неслучайно в последующие годы они сами, обученные на исследовательской программе О.Н.Бадера, создадут собственные научные коллективы, гдезаймут лидирующее положение, и во многом определят последующий облик уральской археологии.

По своему типу созданная О.Н.Бадером научная школа в Пермском университете является авангардной.

Глава четвертая «Свердловская научная археологическая школа В.Ф.Генинга (1960-1974 гг.)» посвящена истории научной школы в УрГУ. В §1.«Исторические предпосылки возникновения научной школы археологов в Свердловске» исследуется предшествующий опыт археологического изучения Урала, с которым научная археологическая школа, созданная В.Ф.Генингом, имеет генетические связи.

Дореволюционные традиции изучения археологии в Свердловске-Екатеринбурге насчитывают столетия. Они не обделены вниманием в научной археологической литературе (Викторова В.Д., 1989; Ковалева В.Т., 1990; 1999; Овчинникова Б.Б., 1998; 1999; Панина С.Н., 1999; Уральская историческая энциклопедия, 1998). Исследования по археологии Урала начались в период ученых путешествий в XVIII в. стараниями горного инженера В.И.Геннина, историка, организатора горного дела на Урале В.Н.Татищева, академиков П.С.Палласа и И.И.Лепехина. С начала XIX в. древностями Урала заинтересовались местные любители и коллекционеры.

Их деятельность способствовала вызреванию научных сил Екатеринбургa, которые в 1870 г. объединились в Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ) во главе с О.Е.Клером. При активном участии О.Е.Клера, М.В.Малахова, Ю.Ф.Гебауэра, Д.Н.Мамина-Сибиряка, К.И.Фадеева, Н.А.Рыжникова производились археологические исследования с целью изучения Урала в естественно-историческом отношении.

Археологические исследования на Урале в 20-30-е гг. XX в. знаменовали начало нового этапа в археологическом изучении края. Значимую роль в этом сыграло краеведческое движение. Активной была деятельность А.А.Берса - выпускника Смоленского отделения Московского археологического института, члена УОЛЕ. Им проводились раскопки в окрестностях Свердловска, Тюмени и Кургана. Он принимал участие в составлении археологической карты Уральской области. Но в 1935 г. А.А.Берс был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, а в 1937 г. расстрелян.

В предвоенные годы активизировалась деятельность центральных учреждений. Археологические экспедиции возглавили специалисты ГАИМК, столичных университетов и музеев Москвы и Ленинграда. Одна из таких экспедиций - Свердловская - в 1932 г. работала под руководством сотрудника ГИМа и ГАИМК П.А.Дмитриева. В ходе этих работ были заложены основы многих представлений о каменном и бронзовом веках на Урале.

Подруководством П.А.Дмитриева начала свои археологические исследования Е.М.Берс. Во время войны особое место в изучении археологии Урала занимали работы Д.Н.Эдинга, А.А.Иессена, А.Я.Брюсова, В.М.Раушенбах, О.Н.Бадера. Но возможность организации постоянных широкомасштабных археологических исследований в регионе, несмотря на плановый характер работы экспедиций столичных учреждений, долгое время отсутствовала. Причина этого крылась в том, что для этого требовались многочисленные археологические кадры, хорошо подготовленный вспомогательный персонал, что было невозможно в силу отсутствия их подготовки в Свердловске.

Такая возможность появилась в 1938 г. с открытием в УрГУ исторического факультета. В 1940 г. в УрГУ Н.Н.Бортвиным, учеником А.А.Спицына, стал читаться курс «Основы археологии». Как преподаватель, он ориентировался на учебную программу А.В.Арциховского, в которой был сделан акцент на обзор источников по археологии СССР, Западной Европы и Ближнего Востока. При главенстве этой программы значимую роль в курсе Н.Н.Бортвин отводил материалам по археологии Сибири и Урала. В 1941-1943 гг. он читал спецкурс «Прошлое Урала». Реализовать в полном объеме свои замыслы Н.Н.Бортвину не удалось. В 1943 г. он умер от дистрофии.

После кончины Н.Н.Бортвина для чтения лекций был приглашен профессор А.А.Иессен, находившийся в Свердловске в эвакуации. Он разработал программу курса «Основы археологии», сохраняя традиции Н.Н.Бортвина с упором на археологию СССР, и, в особенности, Урала. После отъезда А.А.Иессена археология короткой срок читалась С.А.Судаковым, искусствоведом по образованию, поэтому в преподавании он обращал внимание на изучение археологии античного мира и Востока.

Организационные основы развития археологии в УрГУ были заложены после войны К.В.Сальниковым. Профессиональный археолог, считавший своим непосредственным учителем В.В.Гольмстен, с 1933 г. по 1935 г. он обучался в аспирантуре ГАИМК. До войны работал начальником отряда в экспедиции

П.А.Дмитрисва в Башкирии. Приглашение К.В.Сальникова в Свердловск в сентябре 1945 г. стало началом оформления специализации «археология» на кафедре истории СССР. Но археология не являлась специальностью, а была частью общей подготовки историков. На специализации предполагалось изучение археологии Урала, общей археологии и этнографии Урала.

Особую роль в развитии специализации по археологии К.В.Сальников отводил профильному *кабинету археологии*, который мыслился как центр, вокруг которого должна концентрироваться вся работа на Урале, поскольку ни в одном областном центре Урала не велась работа по археологии. В кабинете была составлена библиография по археологии Урала, учтены археологические памятники региона. Кабинетом археологии заведовала Е.М.Берс. Он состоял из фондохранилища и лаборатории. В перспективе предполагалось создание учебно-методического музея. В кабинете археологии студенты занимались самостоятельно и под руководством К.В.Сальникова и Е.М.Берс. Эта работа включала первоначальную обработку материалов, написание курсовых и дипломных работ, подготовку докладов для студенческих конференций и археологического кружка.

Учебный план по общей археологии был построен на основе программы А.В.Арциховского, но в преподавании археологии К.В.Сальников возвратился к идее, заложенной Н.Н.Бортвиным и А.А.Иессеном: он включил разделы по археологии Урала в общую канву курса. Ученый стремился максимально приблизить преподавание археологии к практической работе: значительное число тем изучалось в краеведческом музее. В 1946 г. К.В.Сальников создал первую в уральской археологии учебную программу курса «Археология Урала», отражавшую степень изученности Урала и определявшую круг ее актуальных проблем.

Важной формой подготовки археологов стал студенческий *археологический кружок*. Его организация последовала сразу же за приходом К.В.Сальникова в УрГУ в 1946 г. Как научный руководитель студенческого кружка К.В.Сальников, предлагал студентам для обсуждения разные темы, обучал студентов методике ведения полевых исследований, читал лекции по методам археологических разведок, поиску археологических памятников, их первичному изучению.

С лета 1946 г. К.В.Сальников организовал археологическую практику, которую студенты проходили в Южноуральской (под руководством К.В.Сальникова) и Среднеуральской (под руководством Е.М.Берс) экспедициях УрГУ. Сам факт существования в университете двух археологических экспедиций был нерационален, он приводил к распылению сил и средств небольшого археологического коллектива. Тематически исследования велись в контексте решения разных научных проблем. Это явилось негативным фактором, не позволившим научным силам УрГУ объединиться в единой исследовательской программе.

Вся организационная, педагогическая, исследовательская работа по археологии с конца 40-х до 1960 г. формально по многим параметрам совпадала с тем, что делалось в эти же годы в ПГУ (создание кабинета, кружка, специализации по археологии, наличие двух археологических экспедиций в университете). Однако это не позволяет говорить о складывании в Свердловске в данный период научной школы. Причины этого таковы. В коллективе археологов существовало два самостоятельных исследователя, обладавших качествами лидера, развивавших различные исследовательские подходы. Программа К.В.Сальникова территориально была ориентирована на Южный Урал. В содержательном плане в его работах отчетливо прослеживалась ориентация на концепцию бронзового века

В.А.Городцова, в методическом - его творчество освящено культом источника. За К.В.Сальниковым был опыт профессиональной подготовки.

Е.М.Берс исследовала археологические памятники в верховьях р.Исети. Ее подход опирался на личный опыт, почерпнутый из участия в работе экспедиций П.А.Дмитриева и А.А.Берса. Специального и вообще высшего образования Е.М. Берс не имела. Этот факт не умаляет ее научного вклада в изучение археологии Урала. Но, по всей видимости, он сыграл негативную роль в несостоявшейся консолидации исследовательских программ в одно целое. Два направления в исследованиях археологов УрГУ развивались параллельно. Это не позволило выработать единый подход в изучении памятников и определить актуальные проблемы, к решению которых можно было бы привлечь студентов, обеспечив тем самым линию преемственности программы и возможности ее содержательного расширения. Этого не произошло. Наличие двух лидеров в коллективе, заинтересованных в решении разных исследовательских задач, сыграло центробежную роль и не прибавило силы и интеллектуальной мощи той и другой программе. Кроме того, не раз возникали ситуации, связанные с оценкой научной компетентности Е.М.Берс. Так, в 1951 г. ИИМК отказал ей в выдаче Открытого листа. Кафедра истории СССР, анализируя ситуацию, обратила внимание на то, что «между археологами сложились ненормальные отношения. Как не права Берс, так же не прав и Сальников. Вопрос об объединении наших археологов очень сложен. Научные интересы их расходятся. Работа над памятниками Лесного Зауралья, над которыми работает Берс, очень необходима. Нужно обеспечить такую организацию работ, чтобы самостоятельность Берс не подавлялась, если мы должны будем пойти на объединение работ археологов» (выделено мной - О.М.) (ГАСО, ф.2110-р, оп.2, д.828, л.78).

Кроме этих обстоятельств, не позволяющих фиксировать наличие научной школы в УрГУ в 40-50-е гг. XX в. следует указать и на причины организационного свойства. Несмотря на то, что термин «специализация «археология»» присутствует в материалах кафедры истории СССР, оформленной организационно, специализации по археологии в УрГУ не было. Студенты получали диплом преподавателя истории, а не научного работника. Следовательно, и объем часов, выделенных на профессиональную подготовку, был явно недостаточным. Два спецкурса и занятия в кружке «Археология Урала» не могли в полной мере компенсировать нехватку системных теоретических и практических знаний. Поэтому заложенные основы для развития научной школы не были реализованы. В плане развития научной деятельности это сыграло свою негативную роль: при формальном наличии студентов-учеников нельзя называть последних именно учениками в понятиях концепции научной школы, поскольку отсутствовала взаимосвязь линии «учитель-ученик» в рамках единой исследовательской программы. В мае 1960 г. К.В.Сальников уехал на работу в Башкирию. На его место был приглашен В.Ф.Генинг.

В §2. «Очерк научной биографии В.Ф.Генинга до начала работы в Уральском государственном университете (1947-1960 гг.)» анализируется процесс формирования личности лидера научной школы В.Ф.Генинга.

Осмыслению творческой деятельности В.Ф.Генинга посвящены работы его учеников (Ковалева В.Т., 1990; Ашихмина Л.И., 1994; Бунятыя Е.П., 1994; Мельникова О.М., 1994; Пустовалов С.Ж., 1994). Было проведено несколько конференций, посвященных В.Ф.Генингу (Сыктывкар, 1994; Екатеринбург, 1999; Ижевск, 2000; Киев, 2002). Вышли работы биографического характера (Ковалева

В.Т., 1999; Овчинникова Б.Б., 1999). Появились исследования, связанные с оценкой научного вклада В.Ф.Генинга в археологию (Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв., 2000).

В.Ф.Генинг родился 10 мая 1924 г. в Алтайском крае. В 1942 г. он окончил среднюю школу, после окончания которой разделил участь многих советских немцев. Он был мобилизован в трудовую армию по национальному признаку, находился в рабочих колониях Казани, Ульяновска, Пермской области. В 1947 г. поступил на I курс заочного отделения историко-филологического факультета ПГУ. Работая учителем, В.Ф.Генинг занимался со школьниками изучением истории края, в процессе которого столкнулся с археологическими материалами. В 1948 г. он представил их в кабинете археологии ПГУ. С этого времени вся деятельность В.Ф.Генинга связана с археологией.

Направление изысканий В.Ф.Генинга, предложенное О.Н.Бадером, было связано с изучением эпохи раннего железного века в Прикамье. Его последовательное рассмотрение представлено в курсовых работах студента Генинга. Завершились студенческие исследования В.Ф.Генинга дипломным сочинением «Археологические памятники ломоватовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье». Научный интерес к археологии В.Ф.Генинга в студенческие годы был связан не только с теоретическим обсуждением вопросов, но и ежегодной полевой работой. Он получил возможность работы под наблюдением О.Н.Бадера как руководитель раскопа, что способствовало освоению методов полевых исследований. В 1950 г. В.Ф.Генингу были поручены самостоятельные раскопки. Приобретение навыков полевой и камеральной работы позволило ставить и решать серьезные научные проблемы. Это выразилось, в том числе, и в том, что первая печатная работа В.Ф.Генинга вышла в 1951 г. в КСИИМК.

В студенческие годы шло активное становление В.Ф.Генинга как ученого. Однокурсники выделяли в нем многие личные качества, которые способствовали этому: трудолюбие, неутомимость, требовательность к себе, ученикам и коллегам.

Самостоятельной научной деятельности предшествовало два года работы преподавателем истории в школах Пермской области, где он организовал кружок археологии для старшеклассников, составивших впоследствии основу экспедиционного отряда В.Ф.Генинга.

Благодаря рекомендации О.Н.Бадера летом 1954 г. началась работа В.Ф.Генинга в Удмуртии, где он по приглашению УдНИИ организовал Удмуртскую археологическую экспедицию (УАЭ), а осенью 1954 г. перешел на работу в Удмуртский республиканский краеведческий музей. К началу 50-х гг. XX в. о памятниках археологии на территории Удмуртии имелись краткие сведения. В связи с подготовкой к изданию «Очерков по истории Удмуртской АССР» остро стала ощущаться нехватка сведений по древней истории местного края. В целях всестороннего исследования археологических памятников Совет Министров УАССР издал в июле 1954 г. распоряжение об организации УАЭ. Перед ней была поставлена цель - исследование ранней истории и этногенеза удмуртского народа,

УАЭ были проведены разведки, обследовано большое количество археологических памятников и проведены раскопки, в результате которых собран значительный материал по истории местного населения, составлена археологическая карта Удмуртии.

В.Ф.Генинг создал первую научную археологическую музейную экспозицию по археологии Удмуртии, выдержанную в хронологической последовательности. Верный принципам научной деятельности, усвоенных у О.Н.Бадера, он активно

популяризировал археологию на страницах местной периодической печати. При музее был организован археологический кружок.

Археологическая работа в Ижевске связала В.Ф.Генинга с УГПИ: в 1954 г. в учебный план подготовки учителей истории в пединститутах был введен курс археологии. В.Ф.Генинг разработал его для студентов историко-филологического факультета. С этого времени многие студенты УГПИ работали в летние месяцы в экспедиции в качестве младших научных сотрудников и вспомогательного персонала. Некоторые из них впоследствии стали профессиональными археологами.

В октябре 1955 г. в связи с поступлением в аспирантуру начался казанский период жизни В.Ф.Генинга. Научным руководителем В.Ф.Генинга был утвержден археолог и историк Н.Ф.Калинин. Темой диссертации стала «Пьяноборская культура на Средней Каме». В процессе работы над ней В.Ф.Генинг занимался исследованием археологических памятников в Удмуртии, Марийской АССР, Татарстане. Это открывало возможность широкого взгляда на этногенетические проблемы и способствовало постановке вопросов о культурных общностях прикамского населения, выделении на территории Прикамья локальных и этнических культур, осмыслении понятий «культурная общность», «археологическая культура», соотношении археологической культуры и этноса, определении роли миграционных процессов в формировании древних этносов. В.Ф.Генингом была предложена новая схема археологических культур Прикамья раннего железного века.

В Казани было сформулировано ядро будущей самостоятельной исследовательской программы, связанной с этногенетическими проблемами в обширном Урало-Поволжском регионе. Их решение следовало вести на качественно новом материале, полученном в результате ширококомасштабных работ. Несмотря на значимость полевых исследований, объяснение археологических материалов стало выдвигаться на первый план. Важно было разрабатывать эффективные способы упорядочивания источника, методологию его описания и объяснения, выработать исторические гипотезы и концепции.

Возможности решения этих проблем у В.Ф.Генинга были. Еще в студенческие годы он проявил качества лидера коллектива, способность к принятию самостоятельных решений, ответственность за них, умение создавать вокруг себя творческую обстановку, стремление к новизне, что придавало ему научную смелость в выдвигании гипотез.

В 1960 г. В.Ф.Генинг получил приглашение в УрГУ. Совпадение личных интересов с этим приглашением способствовало быстрому становлению коллектива археологов в Свердловске и трансформации его в научную школу.

В §3. «Организационное оформление свердловской археологической школы» исследуются организационные формы свердловской археологической школы. Рассматривается становление археологического коллектива в УрГУ.

В.Ф.Генинг выделял в своей деятельности в Свердловске несколько основных направлений - учебный процесс, организацию специализации по археологии, исследования в области урало-сибирской археологии (Генинг В.Ф., 2003).

В УрГУ ему были поручены курсы по истории первобытного общества и основам археологии. После первого года чтения лекций ученый предложил объединить их в общий курс. Его особенностью стало соединение в едином изложении сведений по археологии, этнографии, истории первобытного общества. Разделы программы органично включали в себя методические, теоретические,

конкретно-исторические вопросы. В изучении курса В.Ф.Генинг применял разные формы занятий со студентами: лекции, собеседования по разделам с обязательным знанием студентами научной литературы, практические занятия, включавшие работу с коллекциями разных эпох. Этот курс превратился в важнейшее обобщение, системно излагавшее марксистско-ленинское понимание древней истории человечества. Кроме того, что археологический курс базировался на материалах археологии СССР, значительную роль в нем играли источники по археологии Урала.

Создание специализации по археологии в УрГУ стало удачной формой организации научной школы. Она должна была обеспечить формирование коллектива, способного работать на обширной территории. Правда, следует подчеркнуть, что специализация по археологии в УрГУ отличалась по своей форме от той, что была в Перми во времена О.Н.Бадера. В ПГУ археология была специальностью, о чем свидетельствовала запись в дипломе, в Свердловске это была специализация в рамках специальности «история». Весь курс специализации был поделен В.Ф.Генингом на четыре раздела. 1. Общетеоретическая подготовка - циклы лекций по различным эпохам. Для их глубокого понимания приглашались специалисты из Москвы и Ленинграда. 2. Методика полевых исследований включала несколько циклов. Лекции знакомили с принципами раскопок различных археологических памятников. Практические навыки студенты получали в Уральской археологической экспедиции (УрАЭ), усваивая последовательно различные приемы полевой работы. Первоначально они сами копали, затем работали в качестве помощников опытных сотрудников, далее становились руководителями раскопок. Также проходили школу археологической разведки. Обязательным разделом было проведение разведок с последующим оформлением отчетов. На семинарских занятиях в течение года анализировались итоги полевых работ каждого студента. Зачет по курсу состоял из результатов работ за все годы учебы. Все студенты-археологи получали за время учебы Открытые листы и к окончанию вуза имели право вести самостоятельные полевые исследования. 3. В особый курс была выделена методика камеральной обработки материалов, которая включала работу над коллекциями, добытыми каждым студентом во время полевой практики. Студенты знакомились с основами реставрации материалов, типологии и классификации, правилами оформления чертежей, рисунков. Особое внимание уделялось освоению формализованно-статистических методов при обработке массовых источников. 4. Исследовательскую практику специализирующиеся получали при выполнении курсовых (со 2 курса) и дипломных работ, которые содержали анализ результатов полевых материалов, полученных при участии самого студента.

В.Ф.Генинг использовал возможности учебной архивной практики для поиска информации по истории изучения археологических памятников Урала. Новым в подготовке оказалось ознакомление студентов с памятниками Крыма и Средней Азии.

Для большинства студентов В.Ф.Генинга темы курсовых и дипломных работ стали предметом и диссертационных исследований, защищенных на базе научной подготовки, полученной в Уральском университете (В.Е.Стоянов, В.Д.Викторова, Р.Д.Голдина, В.Т.Ковалева, Г.Б.Зданович, С.Я.Зданович, В.В.Евдокимов, Л.И.Ашихмина, В.Т.Петрин, Л.В.Чижова, Л.Н.Корякова, Т.М.Гусенцова, Л.И.Дерябина, Б.Б.Овчинникова, В.А.Борзунов, В.М.Морозов, Ю.П.Чемякин).

В.Ф.Генинг сохранил существовавшую в УрГУ традицию научно-исследовательской работы студентов в форме *научного кружка*. Основные направления работы кружка состояли в следующем: 1. Разведочные поиски и обследования новых археологических памятников. 2, Участие в раскопках

археологических памятников. 3. Обработка материалов раскопок. 4. Подготовка отчетов о летних работах. Значимым нововведением стала организация школы юных археологов, которой руководили члены кружка. Ежегодно кружковцы принимали участие в работе Всесоюзных студенческих конференций (ВАСК). Вся работа студентов проходила *в кабинете археологии*. Он стал центром координации и организации научной и учебной работы по археологии.

В.Ф.Генинг был блистательным *педагогом*. Его ученики отмечали в нем сочетание качеств учителя и великолепного лектора. Прекрасные рисунки, сопровождавшие лекции, позволяли лучше усваивать материал. На лекциях он обращал внимание студентов на проблемные моменты археологии. В процессе работы с учениками проявились такие черты ученого как увлеченность предметом и неутомимость в достижении цели. От будущих археологов В.Ф.Генинг жестко требовал хорошей успеваемости. На первом месте должна была стоять наука, а все другие увлечения ушли в небытие. В этом проявлялся авторитарный стиль руководства В.Ф.Генинга. Очевидно, эта жесткость была оправдана тем, что она дисциплинировала студентов, формировала в них чувство ответственности за работу, за коллектив.

Многим ученикам впоследствии ученый помог определиться в жизни и науке. Все ученики В.Ф.Генинга рано стали самостоятельными. Навыки, полученные студентами, оказали им услугу в их последующей работе и вне археологии.

§4. «Уральская археологическая экспедиция как организационная форма деятельности научной школы В.Ф.Генинга» посвящен исследованию роли УрАЭ в становлении и развитии научной школы. Ее создание было дальновидным и результативным шагом, поскольку до В.Ф.Генинга в университете действовало две экспедиции - Южноуральская и Среднеуральская, что приводило к неэффективному использованию ресурсов, делало невозможным решение широкомасштабных исследовательских задач. УрАЭ по своему территориальному охвату значительно расширяла хронологическую и тематическую сферу деятельности археологов. Задуманная как долговременная экспедиция, она позволяла сосредоточиться на системном рассмотрении древней истории региона.

В деятельности экспедиции В.Ф.Генинг выделял несколько периодов, соответствующих целям формирующейся исследовательской программы. Первый - 1961-1965 гг. включал обследование бассейна рр.Тобола, Исеты, Туры, Тавды и Ишима, где раскопки проводились на памятниках всех периодов. Все разведочные и в значительной мере камеральные работы выполнялись студентами-археологами первого и второго выпусков. Научный результат этапа состоял в составлении археологических карт районов работ экспедиции, ценность имело установление хронологии и выделение культурных типов, а в ряде случаев и АК.

С 1965 г. начинается новый этап в работе УрАЭ, когда значительную организационную и научную автономию приобрели исследования отдельных районов в Тюменской, Челябинской, Курганской, Омской областях и Удмуртии. Эта тенденция усилилась в 1967 г. с началом широких хозяйственных работ на новостройках и формированием штата сотрудников-археологов при кабинете археологии из выпускников, получивших специальную подготовку по археологии. В этой организационной форме работы археологов - *хозяйственной лаборатории археологических исследований* - был предпринят новый шаг в развитии региональной археологии. Лаборатория соединяла образовательные возможности университета и научно-исследовательскую деятельность штата постоянных квалифицированных сотрудников. Результаты научной работы могли сразу внедряться в учебный

процесс, значительно повышая качественный уровень подготовки специалистов. Студенты получили возможность и перспективу реализации своих возможностей в профессии.

В организационном плане УрАЭ стала важным звеном в подготовке высококвалифицированных кадров археологов, способных ставить и решать самостоятельные исследовательские задачи. Она явилась местом консолидации археологических сил в обширном Урало-Западносибирском регионе, продуцирующим как новые знания, так и педагогический и организационный опыт археологии, который нашел свое продолжение в дочерних коллективах, созданных выпускниками специализации. Масштабы экспедиции, количество заинтересовавшихся археологией студентов, высококачественная теоретическая и методическая подготовка впервые в уральской археологии позволили создать собственный научный исследовательский коллектив, полностью состоящий из местных археологов. Возникла возможность постановки самостоятельных исследовательских задач. Важным звеном в их выявлении стало возрождение Уральского археологического совещания. Его роль в формировании научной школы рассматривается в §5. «Второе Уральское археологическое совещание как фактор консолидации археологических сил на Урале».

Совещание приняло «Сводный план археологических исследований на Урале на 1961-1965 гг.». Он включал в себя важнейшие проблемы археологического изучения Урала. Круг их значительно расширился, содержание стало приобретать ярко выраженный конкретно-исторический характер. Часть вопросов была связана с расширением полевых исследований. Значительный раздел ставил вопросы исторического характера. Существенным стало изучение эпохи железного века, становления культур, периодизации памятников, выделение локальных и хронологических вариантов, решение этногенетических проблем, выявление исторических закономерностей в эпоху разложения первобытнообщинного строя и становления феодальных отношений, заселение русскими Урала и проблема взаимоотношений их с местным населением

Этот сводный план учитывал зарождение новых научных проблем, которые и решались свердловской археологической школой. Публикация материалов совещания стала основой новой формы коммуникации уральских археологов, инициированной В.Ф.Генингом. Была создана серия сборников «Вопросы археологии Урала». В организационном смысле было закреплено интеллектуальное лидерство Уральского университета как ведущего центра уральской археологии. Безусловно, это было следствием силы предложенной исследовательской программы.

Особенности научных изысканий, проводимых научной школой, изложены в §6. «Исследовательская программа свердловской археологической школы». Вызревание собственной исследовательской программы базировалось на понимании В.Ф.Генингом предмета археологии: «Во всех работах, связанных с раскопками памятников, сами раскопки и публикация памятника никогда не были для меня самоцелью. Также, как и культурно-хронологическая классификация, хотя этой проблеме уделялось очень много внимания. Все это, в конечном итоге, должно было иметь выход на вопросы изучения социально-исторического развития древнего населения, изучаемого по археологическим источникам. Это было для меня аксиомой, без которой археология, при всей ее привлекательности, теряла смысл как историческая наука. Конечно, это было нелегко и вызывало нередко весьма бурное противодействие наших маститых археологов» (Генинг В.Ф., 2003, с. 172).

Истоки формирования исследовательской программы В.Ф.Генинга восходят к работе «Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа» (Генинг В.Ф., 1959), где обоснована возможность изучения этнической истории на археологическом материале. Впервые для археологии Прикамья детально обсуждались вопросы теоретического содержания. В.Ф.Генинг обосновал свое видение содержания понятия локальной этнической культуры (= «археологическая культура»), вводя в качестве обязательного атрибута для археологических культур железного века этническую окраску. Он определил критерии выделения локальных культур - массовые материалы, отражающие этнические особенности населения (керамика, комплексы вещей, погребальный обряд, характер памятников, устройство жилищ, женский костюм). Идея социально-исторического подхода в решении проблем этногенеза оказалась в последующем весьма плодотворной.

Но для рассмотрения проблем этногенеза в широком социально-историческом диапазоне необходимо было создать источниковедческую базу. Эта задача фактически была решена УрАЭ к 1970 г.: были выделены новые культуры и общности, показан их генезис и взаимодействие.

Решение проблемы обоснования социологического содержания АК привело ученого к определению содержания этого понятия как этноса на определенном этапе социально-экономического развития. Этнические проблемы поставлены во главу угла новой исследовательской программы. Проблема происхождения древнейших (первоначальных) этнических общностей и истоков этнического процесса была впервые поднята В.Ф.Генингом в 1964 г. Основная идея сводилась к утверждению этнических свойств как неотъемлемой части социального развития.

Эти и другие проблемы обнаружились более отчетливо в ходе работы над докторской диссертацией «Этническая история Южного Прикамья в I тысячелетии н.э.» (Генинг В.Ф., 1974), в которой новизна позиции выразилась в исследовании этнических процессов, приводящих к возникновению этнических общностей и основного их типа - этносов. Изложение концепции этноса и этнической интерпретации АК было не только плодом исключительно личного творчества ученого. Для поиска путей их решения на историческом факультете им был организован теоретический семинар. На нем обсуждались проблемы критериев выделения археологических культур, содержания понятия «археологическая культура», предмета и объекта археологии, соотношения археологической культуры и этноса.

Но теоретические построения не могли быть реализованы вне их методологического обоснования. Следовало выработать методологические подходы, которые бы эффективно воздействовали на археологический материал и позволяли раскрыть конкретно-историческое содержание предлагаемых теоретических конструкций. Поэтому поиск новых методов на стадии объяснения материала стал составной частью исследовательской программы. Прежде всего, это касалось массовых источников (керамика, украшения, погребальные памятники). В итоге была предложена методика статистической обработки и сравнительного анализа керамики и погребального обряда, получившие широкое применение в археологии.

Оригинальность содержания исследовательской программы научной школы В.Ф.Генинга проявилась в четырех основных направлениях: 1) общей теории развития этноса в эпоху первобытности; 2) этнической истории Прикамья и сопредельных территорий в эпоху разложения первобытного общества; 3) периодизации и характеристике культур Зауралья и Западной Сибири; 4)

методологии социально-исторического исследования на основе теоретического и формализованно-статистического анализа.

Периодизация исследовательской программы включала следующие компоненты. *Стадия готовности* в развитии исследовательской программы в познавательном плане связана с традициями развития археологии в УрГУ (преподавание археологии в университете Н.Н.Бортвиным, А.А.Иессном, С.А.Судаковым, К.В.Сальниковым и Е.М.Берс). В организационном смысле это имело проявление в создании первого на Урале кабинета археологии, наличии двух экспедиций в УрГУ. Но эти организационные формы не позволили сформировать системное видение истории региона в первобытности.

Исследовательская программа В.Ф.Генинга имела свои корни в программе О.Н.Бадера. Культурно-хронологическая периодизация археологических памятников Урала и Сибири стала рассматриваться как составная часть более сложной программы по изучению исторических процессов первобытности. Ее решению должна была способствовать организация специализации по археологии. *Стадия выбора научной проблемы* обозначилась в феврале 1961 г. во время проведения второго Уральского археологического совещания. В число важнейших проблем региональной археологии выдвинулись вопросы этнического движения, периодизации памятников, выделения локальных и хронологических вариантов культур, этнические особенности культур, проблемы разложения первобытнообщинного строя и становление феодальных отношений на Урале. Развитие познавательного интереса к археологии у студентов осуществлялось через активную деятельность археологического кружка, участие в научных студенческих конференциях.

Организация УрАЭ летом 1961 г. свидетельствовала о переходе коллектива к *стадии разработки и обсуждения содержания исследовательской программы и решения конкретных исследовательских задач*. Первостепенной из них явилось создание культурно-исторической периодизации памятников Урала и Зауралья, что было невозможно без широкомасштабных разведок и раскопок памятников. Изучались памятники всех периодов. Составление археологических карт районов работ экспедиции, выполненных в дипломных сочинениях первых выпускников специализации, свидетельствовало о том, что программа перешла в *стадию своей реализации*. В дипломных работах фактически была создана источниковедческая база для дальнейших исследований. Вслед за этим исследовательская программа вступила в *стадию обеспечения социально-значимого результата деятельности*, когда итоги внутренних обсуждений, дискуссий, написания курсовых и дипломных работ переносились на страницы научных изданий, озвучивались на студенческих и научных конференциях.

Создание УрАЭ с ее задачами долговременных широкомасштабных исследований породило многообразные аспекты в научных изысканиях, постепенно выдвигая на первый план проблемы общеисторического характера, которые становились основой для разработки частных сюжетов. Широкомасштабные раскопки вели к колоссальному накоплению материалов, которые требовалось осмыслить, подвергнуть всестороннему анализу, что под силу только значительному коллективу, складывающемуся в ходе самих полевых работ. Поэтому эта стадия в развитии программы имела организационное подкрепление созданной в 1967 г. хоздоговорной научно-исследовательской лабораторией.

Многие ученики В.Ф.Генинга, окончив университет, оказались за пределами Свердловска, главным образом, в многочисленных университетах, созданных

повсеместно в Урало-Поволжском регионе в начале 70-х гг. XX в. Это способствовало формированию с начала 70-х гг. незримого колледжа, который реализовывал свердловскую программу В.Ф.Генинга применительно к новым территориям. Ученики В.Ф.Генинга повторяли организационный опыт учителя • через создание кабинета археологии, археологического кружка, археологической экспедиции, специализации по археологии, музеев археологии, научно-исследовательских лабораторий и научно-исследовательских институтов. Опыт участия в создании, развитии и реализации исследовательской программы В.Ф.Генинга для многих учеников стал основой для формирования собственных исследовательских программ в соответствии с социальными и познавательными потребностями времени.

Научная школа В.Ф.Генинга стала эффективной формой организации научного творчества, стимулировала развитие археологического знания, новых направлений в науке (этногенетического и теоретико-методологического). Реализация исследовательской программы позволила сформулировать новый круг научных проблем, связанных с развитием теоретико-методологического раздела науки. Они касались как вопросов формирования научного факта, так и его теоретического объяснения. И если задачи культурно-хронологической периодизации, этногенетические проблемы, в целом задачи исторического объяснения на основе археологических источников продолжали решаться в Свердловске и в других регионах, где оказались ученики В.Ф.Генинга, то сам ученый в связи с переездом в 1974 г. в Киев сосредоточился на решении теоретических и методологических проблем археологии. Постепенно школа трансформировалась в незримый колледж, объединяя не только непосредственных учеников В.Ф.Генинга, но и новых сторонников подхода. После отъезда ученого из Свердловска и его отхода от активной реализации своей исследовательской программы коллектив не смог выдвинуть нового лидера, способного адекватно реагировать на новые социальные и внутринаучные потребности, внедрять новые формы педагогической деятельности. И хотя коллектив археологов в УрГУ по-прежнему активно работает, имеет высокий научный уровень в лице профессоров и доцентов, это научная школа В.Ф.Генинга, разрабатывающая и развивающая мощный потенциал исходной исследовательской программы. Научные школы удалось создать тем ученикам В.Ф.Генинга, которые оказались за пределами Свердловска. Новые организационные обстоятельства, задачи в изучении регионов, изменившиеся социальные условия стимулировали в них потребность в выборе актуальных научных проблем и постановке соответствующих их решению исследовательских задач.

Многие ученики В.Ф.Генинга создали продуктивно работающие научные коллективы, трансформировавшиеся по мере решения исследовательских задач, заложенных в программе научной школы В.Ф.Генинга, в самостоятельные научные школы. Один из таких коллективов сформировался в г.Ижевске в УдГУ под руководством Р.Д.Голдиной. В литературе оценка его деятельности как научной школы стала появляться еще в 90-х гг. (Ковалева В.Т., 1999, с. 23; Зеленев Ю.А., Кузьминых С.В., 2003; Мельникова О.М., 1993; 1996). Анализ научной школы дан в главе пятой «Научная школа археологов в Удмуртии».

Ее характеристике предшествует §1. «Исторические и генетические связи научной школы археологов Удмуртского университета». Интеллектуальные, организационные и педагогические истоки научной школы Р.Д.Голдиной восходят к свердловской школе В.Ф.Генинга, генетически связаны с ней и - опосредованно - с пермской научной школой О.Н.Бадера. Однако исходные исторические

обстоятельства развития археологии в Удмуртии несколько отличны оттого, что наблюдалось в Перми и Свердловске.

Специальные историографические работы, связанные с изучением собственно территории Удмуртии малочисленны. Они появились в советские годы, когда возник сам административный феномен Удмуртской Республики. *Дореволюционные исследования на территории Удмуртии* связаны с периодом ученых путешествий в истории русской археологии. Местная традиция археологического изучения населения на территории бывших Булгаро-Хазарского и Казанско-Астраханского царств с прилегающими к ней местностями.

Особая роль в исследовании археологических памятников на территории Удмуртии принадлежит Обществу археологии, истории, этнографии (ОАИЭ), созданному в 1878 г. при Казанском Императорском университете и преследовавшему цель изучения прошлого и настоящего русского и инородческого населения на территории бывших Булгаро-Хазарского и Казанско-Астраханского царств с прилегающими к ней местностями.

Изучение памятников на территории Удмуртии связано с именем А. А. Спицына. В 1880-1881 гг. он собрал информацию обо всех известных древностях Вятской губернии в «Каталоге древностей Вятского края», содержащем хронологическую и территориальную систематизацию материалов по типам памятников. В Глазовском уезде исследованием археологических памятников занимался инспектор народных училищ И. Г. Первухин.

Особую миссию в зарождении археологических исследований выполнил созданный в 1909 г. Музей Сарапульского земства, переданный в 1913 г. Обществу изучения Прикамского края. С 1910 г. музей получал Открытые листы на проведение археологических раскопок Л. А. Беркутовъш - слушателем Петербургского археологического института. Общество изучения Прикамского края проделало большую работу по сбору информации об археологических памятниках в пределах Сарапульского уезда. В 1913-1916 гг. Оно разослало анкеты опроса старожилов по волостям. *Довоенные исследования по археологии Удмуртии* связаны с возобновлением деятельности научных обществ - ОАИЭ, Общества изучения Прикамского края. В 1925 г. в Ижевске было создано научное общество по изучению Вотского края (НОИВК). В 1926 г. по его просьбе в Удмуртии работала археологическая экспедиция во главе с ученым секретарем археологического подотдела Главнауки С. Г. Матвеевым. В организации экспедиции принимали участие ГАИМК, ГИМ, РАНИОН, НОИВК, Глазовский музей. С 1927 г. экспедицию возглавил аспирант отделения археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН А. П. Смирнов. Экспедиция проработала на территории Удмуртии в течение нескольких предвоенных лет.

В 1931 г. было образовано первое научное учреждение на территории Удмуртской республики - Научно-исследовательский институт. Перед ним была поставлена задача изучения истории, языка и литературы удмуртского народа, популяризация знаний среди широких масс трудящихся. Но в его штате не было археологов.

Частью больших академических исследований на территории Прикамья стали работы экспедиции ГАИМК, антропологической экспедиции МГУ, в которых принимали участие М. В. Талицкий, О. Н. Бадер, Б. С. Жуков, А. В. Збруева, Н. А. Прокошев.

В годы Великой Отечественной войны на территории Удмуртии исследований не велось. Но работа значительно активизировалась сразу же после войны, в особенности под воздействием активной деятельности КАЭ во главе с О. Н. Бадером.

Актуальность подготовки археологических кадров для Удмуртии остро встала при работе над «Очерками по истории Удмуртской АССР». В результате переписки с О.Н.Бадером для работы в Удмуртии была предложена кандидатура В.Ф.Генинга. С созданием в 1954 г. совместной УАЭ УдНИИ и краеведческого музея под руководством В.Ф. Генинга возникли благоприятные возможности для планомерного археологического изучения территории Удмуртии.

В Удмуртии к этому времени определились два научных учреждения, заинтересованных в проведении археологических исследований в крае: УдНИИ и республиканский краеведческий музей. Но собственных археологов-профессионалов в Удмуртии не было: отсутствовали учебные заведения, готовившие такие кадры.

В ходе работ УАЭ В.Ф.Генинг стал привлекать к самостоятельной работе студентов УГПИ. С 1959 г. по 1963 г. исследования в Удмуртии были продолжены учениками В.Ф.Генинга В.Е.Стойновым, Г.Т.Кондратьевой, В.А.Семеновым.

Роль *археологии в УГПИ* как учебного предмета была оценена заведующим кафедрой всеобщей истории В.Е.Майером. Его дальновидная политика привела к тому, что студенты стали проходить археологическую практику под руководством профессионалов - учеников В.Ф.Генинга. В 1972 г. УГПИ был преобразован в университет, и В.Е.Майер пригласил из Свердловска Р.Д.Голдину для чтения курса «Основы археологии».

§2. «Организационные основы формирования научной школы -археологов в Удмуртском государственном университете» посвящен исследованию становления организационных основ археологической школы. Важнейшим организационным шагом в создании научной археологической школы в Удмуртии стало преобразование в 1972 г. УГПИ *в классический университет, ставший базой для развития региональной археологии.*

В Ижевске Р.Д.Голдиной пришлось решать вопросы организации археологической работы в новом университете. Путь развития университетских археологических коллективов, проработанный О.Н.Бадером в Перми и успешно повторенный В.Ф.Генингом в Свердловске, подсказывал наиболее эффективный способ такой работы. Важно было определить содержание исследовательской деятельности, создать коллектив для ее осуществления, для чего использовать учебный процесс в вузе. Следовало извлечь все возможности, вытекающие из системы классического университетского образования, позволяющей сочетать учебный и исследовательский процесс в единой системе подготовки научных кадров.

Первым шагом в организации археологической работы в УдГУ стала организация *кабинета археологии* как учебно-методического и научного археологического центра. К декабрю 1973 г. в нем были собраны наглядные пособия, вещевой материал, полученный в результате работы археологической экспедиции. Кабинет располагал необходимым материальным оборудованием для проведения археологической практики студентов.

Для эффективной археологической работы необходимо было организовать археологическую экспедицию. Она была создана к июлю 1973 г. для изучения памятников Камско-Вятского междуречья, что предопределило ее название. Первоначально предполагалось, что КВАЭ будет изучать памятники с эпохи бронзы до позднего средневековья. После исследований В.Ф.Генинга была уверенность, что памятников каменного века на территории Удмуртии нет. Основные задачи экспедиции состояли в сплошном обследовании Камско-Вятского междуречья, выявлении новых памятников, а также проведении стационарных исследований памятников всех эпох для воссоздания древней и средневековой

истории обитавших в крае разных народов. В составе экспедиции ежегодно работало до 15 различных отрядов. За время работы экспедиции было организовано свыше 200 разведочных маршрутов, которыми было обследовано около 1500 археологических памятников разного времени, из которых более 80% открыто вновь. Впервые в Камско-Вятском междуречье были открыты и исследованы памятники эпохи мезолита и неолита. Продуктивный характер исследований КВАЭ обеспечивался научным сотрудничеством с крупнейшими специалистами по археологии и естественным наукам.

Для обеспечения ширококомасштабных работ встал вопрос об организации *специализации по археологии*. Постепенно вырисовался контур читаемых спецкурсов и спецсеминаров. Первоначально он ориентировался на сложившуюся практику изучения археологии в вузах СССР в соответствии с археологической периодизацией. Современная тематика спецкурсов, сохраняя преемственность в образовательном процессе, включает новые предметы, исходя из стоящих перед коллективом исследовательских задач («Проблема формирования раннеклассовых обществ», «Методика полевых исследований», «Методика камеральных исследований», «Историческая экология», «Историография археологии», «Ранний железный век», «Археология Урала», «Средневековая археология», «Теоретические и методологические проблемы современной археологии», «Историческая демография», «Славяно-русская археология»).

Студенты-археологи изучали памятники других регионов. С этой целью стали использоваться возможности учебной музейно-экскурсионной практики. По инициативе Р.Д.Голдиной студенты-археологи стали проходить ее в Крыму и Средней Азии.

Университетская система позволяла реализовывать несколько этапов научно-исследовательской работы студентов. На I-II курсе осуществлялось вовлечение студентов в научно-исследовательскую работу, знакомство их с основными научными проблемами кафедры, формировался круг их научных интересов. На втором этапе студенты овладевали методикой научных исследований, участвовали в научных мероприятиях кафедры.

Этому способствовала работа *кружка «Археология Урала»*. Он был создан с целью привлечения студентов в археологию уже в 1972-1973 уч. г. и сразу стал популярным. На его заседаниях студенты рассматривали итоги полевых и камеральных исследований, обсуждали студенческие доклады - вначале для университетской студенческой конференции, а затем и для региональных и ВАСКа.

Значительный пласт работы студентов-кружковцев был связан с пропагандой археологических знаний среди населения республики. Это создавало благоприятную возможность привлечения школьников для работы в КВАЭ в качестве младшего научного персонала. При кружке «Археология Урала» в 1974 г. была организована «Школа юного археолога», где в качестве преподавателей выступали и студенты-археологи, и их старшие коллеги.

Для этих же целей использовался *музей древней истории Камско-Вятского междуречья*, созданный в 1980 г. Его уникальность состоит в том, что он является единственным музеем в республике, дающим целостное представление о ее археологическом прошлом.

Через коллектив археологов проходит большое количество людей. Статистика выполненных студентами курсовых работ показывает, что 2/3 студентов, проявивших интерес к археологии на младших курсах, затем продолжили обучение на специализации. Правильное определение перспективных тем, начиная с первого

курса, позволило профессионально разрабатывать их и после окончания университета. Это позволило 19 выпускникам специализации защитить кандидатские диссертации и 2 докторские. Это оказалось возможным благодаря ранней вовлеченности в решение исследовательской программы. Реально путь ее освоения таков:

1. Передача общекультурного фонда знаний от учителя к ученику осуществляется лекционными курсами «Основы археологии», «История Удмуртии», «История Урала», «История первобытного общества», «Историческое краеведение».

2. Обучение, связанное с освоением «концептуальной техники» исследования ведется в рамках специализации по археологии. Причем программы спецкурсов и спецсеминаров испытывают на себе влияние разных стадий в реализации исследовательской программы. Первоначально в рамках специализации изучались, главным образом, общие проблемы археологии СССР. Сегодня тематика спецкурсов, сохраняя преемственность в образовательном процессе, включает новые проблемы как составные части решаемой исследовательской программы. Важным звеном в освоении «концептуальной техники» археологического исследования является участие студентов в работе кружка «Археология Урала» (ныне - археологического клуба).

Особого анализа требует феномен Урало-Поволжских археологических студенческих конференций (УПАСК), действующих до настоящего времени, и ВАСКов. Признанием качества студенческих научных работ и научного влияния в уральской археологии научной школы археологов УдГУ стал тот факт, что дважды - в 1974 и 2001 г. - УПАСКи проводились в г.Ижевске.

Этот тип обучения завершается созданием дипломного сочинения, либо продолжается обучением в аспирантуре.

Научные конференции как фактор институционализации научной школы. У каждой из анализируемых в исследовании научных школ на начальном этапе их становления были свои эпохальные научные конференции, сформировавшие последующие исследовательские программы этих коллективов (первое Уральское археологическое совещание в Перми в 1947 г.; второе Уральское археологическое совещание в Свердловске в 1961 г.). Для Ижевска таким стал VI УПАСК. На нем были сформулированы и озвучены исследовательские задачи археологов УдГУ. Содержательным и организационным результатом признания работы археологов стало проведение в Ижевске в 1980 г. VII Уральского археологического совещания. Основное внимание совещание уделило проблемам этнических процессов на Урале и в Сибири, хронологии археологических культур и новейшим открытиям археологов. Как указывалось в постановлении совещания, большой интерес вызвали разработки по хронологии погребальных комплексов, выполненные удмуртскими археологами. Применение корреляционного метода позволило внести стройность и аргументированность в результаты научного анализа.

Задачи, стоявшие перед коллективом археологов УдГУ, в особенности с развитием практики разработки хоздоговорных тем, требовали *новых организационных форм деятельности*. В 1977 г. заканчивали обучение первые студенты-археологи. Следовало дать им возможность реализоваться в профессиональной практике, развивать археологию в университете, не ограничиваясь только студенческой наукой. Выход в этой ситуации был подсказан В.Ф.Генингом еще в 1967 г., когда в УрГУ была создана первая в стране хоздоговорная научно-исследовательская лаборатория. Поэтому на базе кабинета

археологии в 1979 г. была открыта хоздоговорная лаборатория археологических исследований. Результаты ее работы были весьма ощутимы. В 1989 г. ЛАИ была преобразована в Проблемную лабораторию истории и культуры народов Приуралья с бюджетным финансированием. В 1993 г. произошла ее трансформация в Институт истории и культуры народов Приуралья как структурной единицы УдГУ. Институт стал основой для эффективного проведения научных изысканий и динамичного введения их результатов в учебный процесс в вузе. Он дает возможность результативно распорядиться археологической практикой, успешно отбирать способных к научной работе студентов, подпитывать молодыми кадрами кафедру археологии университета. Возникновение исследовательского Института в рамках университета способствовало укреплению междисциплинарных связей, привлекая химиков, физиков, биологов, экологов, лингвистов для решения проблем ранней истории Приуралья.

Многогранная работа коллектива археологов УдГУ способствовала превращению археологии в важное учебное и научное направление на историческом факультете. Его значимость привела к созданию в структуре исторического факультета в 1991 г. кафедры археологии и истории первобытного общества. Она полностью укомплектована учениками Р.Д.Голдиной. Организационное объединение ведущих специалистов-археологов УдГУ в рамках кафедры способствовало их творческому росту. Достигнутый научный потенциал привел к открытию в 1990 г. аспирантуры по археологии. В 1992 г. начал работу один из первых на Урале диссертационный Совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Главой Совета стала Р.Д.Голдина. Высокий статус диссертационных работ, защищенных учеными из многих городов Урала и Поволжья, привел к тому, что в 2001 г. Совету было доверено проведение защиты докторских диссертаций по археологии, этнографии и отечественной истории. Таким образом, коллектив археологов УдГУ стал способствовать не только формированию кадров археологов для Удмуртии, но и превратился в центр подготовки научно-педагогических кадров на Урале.

Этому во многом благоприятствовали изменившиеся социальные обстоятельства: постперестроечное время стимулировало возвращение археологии страны в лоно мировой науки. Научный авторитет Р.Д.Голдиной и ее учеников привел к сотрудничеству с зарубежными археологами и к освоению их исследовательского опыта. В разные годы для студентов читали лекции Ф.Дайм (Венский университет), И.Фодор (Национальный музей Венгрии), П.Штадлер, В.Поль (Венский университет), Ч.Балинт (Сегедский университет). Студенты-археологи и преподаватели кафедры проводили совместные раскопки и научные конференции.

Складывание трех научных археологических центров в Ижевске - УДНИИ, УдГУ, краеведческий музей - требовало консолидации их научных усилий по археологическому изучению региона. Это выразилось в научном сотрудничестве. Студенты, специализирующиеся по археологии, участвуют в экспедициях этих учреждений, становясь впоследствии профессиональными археологами.

Важным элементом научной деятельности археологов УдГУ стала публикация материалов КВАЭ. С 1977 г. было опубликовано 19 сборников научных и учебно-методических трудов, а количество индивидуальных статей приблизилось к 1200.

За три десятилетия УдГУ превратился в признанный научным сообществом археологический центр. Этому во многом способствовали личные качества лидера коллектива Р.Д.Голдиной. Ее ученики и коллеги подчеркивают, что она - человек

до фанатизма преданный науке. Для нее характерны твердость и принципиальность в вопросах, касающихся работы, настойчивость в желании «объять необъятное». Она приучает своих учеников каждодневно ритмично работать, накапливая знания. Ее преданность работе передается ученикам.

Становление коллектива археологов в Удмуртском университете происходило под воздействием различных факторов. Важнейшим из них стало наличие классического университета, способствовавшего гибко изменять организационные формы, в которых существует наука в вузе в соответствии с изменившимися обстоятельствами времени и общественными потребностями.

В §3. «Исследовательская программа научной школы археологов в УдГУ» рассмотрено содержание этого феномена. •

Исследовательская программа, усвоенная учениками В.Ф.Генинга в УрГУ, была эффективной при широкомасштабном изучении новых или малоизученных территорий. Но в процессе ее реализации обнаружили затrudнения. Они выразились в том, что при кажущемся «перепроизводстве» археологических источников, конкретные регионы Урала археологически оказались не столь детально изучены, как требовалось, исходя из задач программы В.Ф.Генинга. Все это привело к формированию новых исследовательских программ его учениками, в том числе и Р.Д.Голдиной.

Стадия готовности связана с начальным периодом в становлении научной школы. Ее организационными индикаторами стали создание в 1972 г. в УдГУ кабинета археологии, кружка «Археология Урала», в 1973 г. - КВАЭ. Данная стадия завершилась открытием специализации по археологии на историческом факультете. Участие в полевой и камеральной работе под руководством Р.Д.Голдиной привлекло в археологию наиболее целеустремленных молодых исследователей, составивших впоследствии интеллектуальное ядро научной школы. Освоение ими исследовательского опыта учителя, обучение различным сторонам археологии у приглашенных в УдГУ для чтения спецкурсов известных специалистов по археологии СССР способствовало формированию нового поколения исследователей. Значимой вехой в *предпрограммной стадии* стало проведение в Ижевске в 1974 г. УПАСКА. Существенными для развития предпрограммной стадии в развитии исследовательской программы стали личные качества Р.Д.Голдиной, сумевшей привлечь в науку значительное число студентов, избравших впоследствии археологию в качестве своей специальности. Очевидно и то, что студенты, пришедшие в науку, были искренне готовы к изучению археологических проблем.

Это позволило остаться на специализации по археологии наиболее последовательным сторонникам научных идей, выдвигаемых Р.Д.Голдиной. Неслучайно, именно первый выпуск специализации по археологии в последующем дал наибольшее число высококвалифицированных специалистов. Все они стали профессиональными историками, археологами, музейными работниками. 5 из 6 получили ученую степень кандидата наук, а 1 - доктора исторических наук по археологии.

На *стадии овладения категориальным и методическим аппаратом* археологии было исследовано и открыто вновь большое количество памятников, что было связано с созданием прочной источниковой базы для разработки культурно-исторической периодизации изучаемых регионов. Затем ее развитие было направлено на реализацию задач изучения социально-экономического развития древних обществ. Поэтому исследовательская программа в рамках незримо

колледжа дала многозначное название самой теме исследования - «Древняя история Камско-Вятского междуречья».

Полевые работы стали основой для перехода к следующей стадии в развитии исследовательской программы - *стадии выбора проблемы*. Первый шаг в выявлении несоответствия данных опыта и существовавших концептуальных идей в объяснении археологических памятников Камско-Вятского междуречья был сделан уже в самый первый сезон работы КВАЭ: экспедиция начала работу 1 мая 1973 г., а уже 2 мая была открыта самая древняя тогда на территории Удмуртии неолитическая стоянка. Именно этой находкой был опровергнут тезис В.Ф.Генинга об отсутствии памятников каменного века как особенности данной территории.

Стало ясно, что разработанная В.Ф.Генингом еще в 50-е гг. и дополненная в 60-70-е гг. концепция культурно-хронологического развития территории Удмуртии нуждается в дальнейшем развитии. Работы, последовавшие за первым открытием памятников каменного века, подтвердили необходимость как широких разведочных, так и стационарных исследований. Они убедили в том, что Камско-Вятское междуречье было заселено во все исторические эпохи.

Все это требовало более детальной *разработки программы*, обсуждения и решения задач. Особую роль в этом сыграла разработка методологии исследования. Если полевая методика изучения археологических памятников Прикамья была в целом разработана в предшествующие годы в рамках других исследовательских программ, то важно было искать новые способы изучения археологического материала. Это касалось разработки способов систематизации массовых источников, позволяющих в рамках единой программы изучать материалы разных памятников и территорий в пределах изучаемого региона. Поэтому одной из частных задач экспедиции стала разработка на новых источниках с максимальным использованием старых детальной хронологии приуральских могильников, начиная от пьяноборского времени до позднего средневековья.

За основу методологии исследования материалов раннего железного века и средневековья были взяты изыскания Р.Д.Голдиной, предполагавшие детальную разработку хронологической шкалы раннесредневековых погребальных комплексов Верхнего Прикамья с последующей их адаптацией к материалам других регионов работы КВАЭ. В основе решения задач хронологии и периодизации лежал формально-типологический метод. Разработанная на разных категориях материала - бронзовых украшениях, бусах, предметах вооружения, керамике - хронологическая шкала дополнялась статистическими методами, позволявшими оценить выявленные закономерности в вещевых комплексах.

Разработка собственной программы и стадия ее реализации идут параллельно друг другу, корректируясь за счет нового археологического материала. С конца 70-х гг. можно зафиксировать переход на *стадию обеспечения социально-значимого результата деятельности*.

В итоге можно сформулировать *содержательные и методические характеристики исследовательской программы*. Специалистами УдГУ были уточнены ряд моментов, связанных с выделением, определением территориальных рамок, стадий развития и локальных вариантов археологических культур, соотносимых с этническими группами пермской общности на разных этапах ее развития. Удалось обобщить материалы эпохи камня, выявить и изучить памятники эпохи неолита и бронзы, обозначить их сложный состав, определить компоненты генезиса

последующей ананьинской общности. Подробно исследовались памятники эпохи раннего железного века, великого переселения народов, раннего и позднего средневековья. Были разработаны новые системы хронологии и общие принципы классификации некоторых категорий археологического материала. Впоследствии они были дополнены монографическими исследованиями на широком хронологическом и территориальном фоне отдельных категорий материальной культуры: вооружения, бус, жилища, керамики, железных изделий.

Первоначальная идея изучения археологических памятников всех эпох на территории Камско-Вятского междуречья оказалась весьма перспективной. Только на такой широкой территориальной и хронологической панораме оказалось возможным получить значимый научный результат. Им стала разработанная к середине 80-х гг. и дополненная позднее целостная концепция этнической истории населения Прикамья в эпоху раннего железного века и раннего средневековья, получившая логическую взаимосвязь с разрабатываемыми вопросами эпохи камня и бронзы, а также с эпохой позднего средневековья.

Ее целостное видение впервые было изложено Р.Д.Голдиной на VI Международном конгрессе финно-угроведов в Сыктывкаре в 1986 г. (Голдина Р.Д., 1986) и опубликовано позднее в статье «Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа» (Голдина Р.Д., 1987). Автор, основываясь на многочисленных новых археологических источниках, полученных КВАЭ, пришла к необходимости выделения новых археологических культур (верхнеутчанской, еманаевской, кочергинской, чумойтлинской, худяковской), Подверглись критике ряд АК, предложенных в свое время В.Ф.Генингом. Намеченные контуры культурно-исторического и этногенетического процессов в Камско-Вятском междуречье на протяжении конца 80 - начала 90-х гг, XX в. уточнялись, детализировались в целой серии публикаций и диссертационных исследований учеников Р.Д.Голдиной.

Все эти процессы стали индикатором распада незримого колледжа, возникшего на основе научной школы В.Ф.Генинга. Ученики Р.Д.Голдиной освоили исследовательскую программу В.Ф.Генинга, прошли стажировку в крупнейших центрах археологии, обучение в аспирантуре в известных археологических коллективах страны. Приобщение к иным исследовательским программам и участие в их разработках дало весьма ценные познавательные результаты. С одной стороны, защитой кандидатских диссертаций, докторской диссертации Р.Д.Голдиной был подтвержден высокий квалификационный статус исследователей. С другой - создалась познавательная ситуация, при которой коллектив археологов оказался в состоянии самостоятельно осмысливать негативную и позитивную стороны исследовательской программы В.Ф.Генинга.

Разработанная этногенетическая концепция получила достойную оценку среди коллег. Реализация значимых содержательных задач требовала адекватных организационных форм деятельности научного коллектива и развития научно-методической базы для подготовки кадров высококвалифицированных специалистов. Создание лаборатории, Института и кафедры археологии можно охарактеризовать как консолидацию и централизацию управляющего механизма. Внешним проявлением этих процессов стало организационное объединение специалистов-археологов - преподавателей кафедры и связанное с ним повышение возможностей профессионального общения. Новые организационные формы способствовали консолидации археологов УдГУ, открывали возможности создания творческих групп, занятых детальной проработкой тех или иных частей

исследовательской программы, повышали возможности коммуникации с представителями других наук в масштабах университета. Научная школа сформировалась во всех ее проявлениях: научно-исследовательском, организационном, педагогическом.

Руководствуясь анализом стадий в развитии исследовательской программы научного коллектива, к началу 90-х годов XX в. в Удмуртском университете можно зафиксировать такой тип научного объединения как научная школа. Она оформилась на основании собственной исследовательской программы, которая сформулирована в ходе деятельности научного коллектива. Оценивая тип выявленной научной школы, следует отнести его к конкурирующей научной школе.

В «Заключении» подводятся итоги исследования. Следование историографическому и науковедческому подходам позволило впервые в системном рассмотрении изучить феномен научных школ в археологии. Опыт историографии исторической науки в области систематизации историографического процесса показал, что значимую роль в ней играет научная традиция. Это предопределило различные критерии такой систематизации: особенности философско-методологических взглядов, общность методики, единство проблематики, принадлежность к университетам и к одному учителю. Археология испытала на себе воздействие этой историографической традиции: школы в археологии выделялись на основе подобных критериев. Однако это не означает, что следует отказаться от изучения школы как объекта историографии археологии. На фактологическом уровне следует понять логику научной традиции, именуемой те или иные исследовательские коллективы научными школами. Это позволит делать обоснованные обобщения процесса развития археологии в целом.

Науковедение с его задачами изучения и планирования развития науки открывает новый ракурс в изучении школ в археологии. Оно позволяет создать логическую модель из системы строгих понятий (научная проблема, исследовательская программа, лидер научной школы, субординация и координация деятельности, концептуальные события), которые создают основу, для поиска и характеристики школ в археологии в более строгих рамках. Историографическое исследование удачно сочетается с науковедческим, поскольку насыщение логической модели научной школы происходит за счет данных историографических источников.

Формирование и функционирование научных школ в археологии - уникальный и сложный процесс. Он предполагает системное сочетание усилий ученых в различных направлениях - познавательной, образовательной, организационной. В археологии оно наиболее эффективно в рамках научно-исследовательских, учебных заведений, которые связаны с подготовкой молодого поколения исследователей. Опыт отечественной археологии показывает, что это академические институты, имеющие свою аспирантуру, а в большей мере университеты. Музейные учреждения практически не имеют опыта создания научных школ. Организационные формы, которые можно считать закономерностью в формировании научных школ в археологии, в университетах России таковы. Это организация специализации по археологии, создание кабинета археологии, студенческого научного кружка по археологии. Однако самым важным элементом является создание археологической экспедиции, которая вмещает в себя и реализацию исследовательских задач, и подготовку кадров

археологов, и наиболее эффективные формы организации научной деятельности. Позднее, с ростом квалификации исследователей к этим организационным формам добавляются аспирантура, докторантура, кафедры археологии и исследовательские подразделения в структуре университетов.

Существенным элементом, фиксирующим институционализацию научной школы, является проведение коллективом крупных региональных научных конференций. На них, как правило, складывающаяся научная школа выступает со своей исследовательской программой. Такие конференции консолидируют вокруг программы значительный круг специалистов, не обязательно работающих в одном научном учреждении.

В археологии возможно выделение научных школ по региональному признаку, как правило, связанному с конкретным университетом. Отечественные университеты возникали в разных исторических обстоятельствах. Местные условия наложили свой отпечаток на развитие археологии в университетах: они определили тематику и направление археологического изучения региона, подготовили организационные и содержательные формы деятельности научных школ. Это создало исторические и генетические предпосылки, на основе которых стали формироваться региональные университетские научные школы.

Однако интеллектуальные истоки научных школ не всегда берут начало в местных университетах. Основой их возникновения стали исследовательские программы, усвоенные лидерами научных школ в других научных учреждениях страны. Для О. Н. Бадера это были исследовательские традиции палеозоологической школы МГУ. В. Ф. Генинг, как ученик О. Н. Бадера, реализовывал на первых порах в своей практике методологические и методические приемы, освоенные в ПГУ. Затем актуальность современных задач позволила выдвинуть социально-историческую этногенетическую исследовательскую программу и соответствующий методологический аппарат. В Ижевске произошла дальнейшая трансформация этой программы с учетом новых общественных потребностей начала 90-х гг. XX в.

Научные школы, рассмотренные в диссертации, позволяют констатировать наличие генетически преемственных научных школ. Существовая первоначально в рамках незримого колледжа, новый коллектив во главе с лидером в условиях осознания новой проблемы в состоянии выдвинуть собственную исследовательскую программу и решать ее.

Своеобразие научных школ в археологии определяется содержанием исследовательской программы. Это, пожалуй, наиболее сложный аспект в изучении научной школы. Если образовательный аспект документально подкреплён источниками, а организационные формы деятельности легко атрибутировать, то выделение исследовательской программы требует больших усилий, поскольку последние не являются фиксированным документом.

Особую сложность представляет определение своеобразия исследовательских программ при изучении научных школ в советской археологии. Мировоззренческие установки советской эпохи предполагали наличие теоретического и методологического единomyслия в исторической науке. При общности исследовательских задач в изучении археологических материалов, раскопках новых объектов, публикации материалов с последующим созданием общей культурно-хронологической классификации археологических материалов всех эпох сложно предположить возможность существования различных подходов в их реализации. В чем принципиальное отличие выдвигаемых научными школами исследовательских программ?

Первое, что определяет своеобразие научных школ в археологии, связано с уровнем продуцируемого научной школой нового знания (выдвижение новой проблемы; создание новой гипотезы, теории; открытие законов и правил, открытие новых явлений; создание новых методов исследования; накопление фактического материала). Возможность различных позиций в изучении археологического материала заложена в многообразии и неисчерпаемости свойств каждого явления. В силу этого плюрализм в познании становится неизбежным. В его основе может быть то, что в качестве предмета исследования избираются разные стороны одного и того же явления. Поэтому конкурирующие интерпретации характеризуются взаимодополняемостью, проистекающую из того, что данные интерпретации опирались на разные свойства археологических источников.

Плюрализм в интерпретации археологических объектов обосновывается и тем, что каждая научная школа складывается в процессе широкомасштабных полевых исследований и освоения нового фактического материала, что приводит к выработке собственных методических приемов. Полевые исследования пермских, свердловских, ижевских археологов привели к введению в научный оборот значительного археологического материала и созданию схем культурно-исторического процесса от эпохи палеолита до позднего средневековья. Это был собственный новый взгляд на последовательность в развитии древних и средневековых обществ, в основе которого лежал новый археологический материал.

Но чем ближе научная мысль подбиралась к вопросам материалистической теории, затрагивавшими непосредственно область идеологии, тем больше сужалась сфера плюрализма. В большинстве случаев для первобытной эпохи теоретические интерпретации базировались на марксистских идеях родовой теории Морган-Энгельса. Поэтому и в монографических исследованиях отдельных археологических культур, и в системе характеристики исторического процесса на Урале и в Западной Сибири исторические выводы основывались на синхронизации археологической периодизации с исторической периодизацией развития родовых отношений. Но и в этой области исследований свердловской школой В.Ф.Генинга был сделан значительный прорыв. Изучение этнических процессов в первобытности стало первым опытом изучения этого феномена с позиций познавательных возможностей археологического источника. Оно было подкреплено разработкой новых методов исследования, в первую очередь связанных с изучением массового материала (формализованно-статистические методы).

Сочетание науковедческого и историографического подходов в изучении научных школ оказалось весьма продуктивным, поскольку созданная логическая модель задает параметры изучения школ в археологии. Следующим шагом в развитии этого направления исследований в археологии должно стать полное выявление и изучение как уже признанных школ, так и определение статуса других, как прошлых, так и современных, коллективов в науке. Следует акцентировать внимание на изучении роли социальных факторов в развитии научного сообщества. Перспективным направлением таких исследований должно стать изучение общего философского, культурного фона, в контексте которого развивается научное сообщество. База, созданная в настоящей работе, позволяет осуществлять исследование вглубь - создавать научные биографии лидеров школ, разрабатывать конкретные методы изучения исследовательских программ археологических коллективов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монографии:

1. Мельникова, О. М. Пермская научная археологическая школа О. Н. Бадера (1946-1955 гг.) / О. М. Мельникова. - Ижевск: Удмурт, гос. ун-т, 2003. - 183 с.
2. Мельникова, О. М. Свердловская научная археологическая школа В. Ф. Генинга (1960-1974 гг.) / О. М. Мельникова, - Ижевск: Удмурт, гос. ун-т, 2003. - 194 с.

Статьи и публикации:

3. Кудрявцева (Мельникова), О. М. К вопросу об определении понятия «археологическая культура» в современной советской археологии / О. М. Кудрявцева // Археология и методы исторических реконструкций. - Киев: Наукова думка, 1985. - С. 84-91.
4. Кудрявцева (Мельникова), О. М. К проблеме выделения археологических культур / О. М. Кудрявцева // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Теория и методология археологии. - Омск: ОмГУ, 1987. - С. 49-53.
5. Кудрявцева (Мельникова), О. М. О наглядных образах в изучении археологических культур / О. М. Кудрявцева // Актуальные проблемы историко-археологических исследований: Тез. докл. VI респ. конфер. молодых ученых. - Киев: Наукова думка, 1987. - С. 87-88.
6. Кудрявцева (Мельникова), О. М. Сравнительный анализ эмпирических признаков катакомбной культуры / О. М. Кудрявцева // Исследование социально-исторических проблем в археологии. - Киев: Наукова думка, 1987. - С. 159-177.
7. Кудрявцева (Мельникова), О. М. О становлении раннеклассовых отношений в Прикамье / О. М. Кудрявцева // Молодые ученые науке и народному хозяйству: Тез. докл. науч.-теор. конф. - Ижевск: УдГУ, 1988. - С. 26.
8. Кудрявцева (Мельникова), О. М. Выделение археологических культур: практические итоги и перспективы / О. М. Кудрявцева // Молодые ученые науке и народному хозяйству: Тез. докл. науч.-теор. конф. - Ижевск: УдГУ, 1989. - С. 204-205. "
9. Кудрявцева (Мельникова), О. М. Наглядные образы археологических культур как форма перехода к организованному единству археологических источников / О. М. Кудрявцева // Археологические культуры и культурная трансформация: Материалы методолог, семинара ЛОИА СССР. - Л., 1991. - С. 100-105.
10. Мельникова, О. М. Методы исторического исследования: Метод, пособие для студентов ист. ф-та. - Ижевск: УдГУ, 1992. - 20 с.
11. Мельникова, О. М. Наглядные образы археологических культур в структуре археологического познания / О. М. Мельникова // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII Урал, археолог, совещания 19-22 апр. 1993 г. - Екатеринбург, Ин-т ист. и археол. УрО РАН, 1993. - С. 146-148.
12. Мельникова, О. М. Проблема взаимодействия древних и средневековых культур Приуралья: поиск путей решения // Историческое познание: традиции и новации: Тез. докл. международ, теор. конф., Ижевск, 26-28 окт. 1993 г. - Ижевск: Изд-во Удмурт, ун-та, 1993. - Ч. 1. - С. 26-28.
13. Мельникова, О. М. Новые подходы в изучении современных исследовательских коллективов в археологии / О. М. Мельникова // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории: Материалы науч. конф., посвящ. 20-летию юбилею УдГУ, 23 окт. 1992, Ижевск. - Ижевск: Изд-во Удмурт, ун-та, 1993. - С. 155-164.

14. Мельникова, О. М. Теоретические и методологические проблемы современной отечественной археологии: Метод, пособие для студентов, специализир. по археол. - Ижевск: Изд-во УдГУ, 1994. - 20 с.

15. Мельникова, О. М. Познавательные возможности категории «культура» в археологическом исследовании / О. М. Мельникова // Проблемы изучения духовной культуры древних обществ: Тез. докл. науч. семинара, 12-16 апр. 1994 г. - Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1994. - С. 30-35.

16. Мельникова, О. М. Феномен лидера научной школы в современной археологии / О. М. Мельникова // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье: Тез. докл. международ. науч. конф. - Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 1994. - С. 11-13.

17. Мельникова, О. М. Научные школы в археологии Урала / О. М. Мельникова // Узловые проблемы современного финно-угроведения: Материалы I Всерос. науч. конф. финно-угроведов. - Йошкар-Ола: Науч. Центр Финно-угроведения, 1995. - С. 51-55.

18. Мельникова, О. М. Библиография научных трудов сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции за 1973-1994 гг. / О. М. Мельникова, Т. И. Оконникова. - Ижевск: Изд-во Удмурт, ун-та, 1995. - 48 с.

19. Мельникова, О. М. Формирование научной школы археологов в Удмуртии / О. М. Мельникова // *Historia Fenno-Ugrica: Congressus Primus historiae Fenno-Ugricae.*-Oulu, 1996.-I: 2.-Рр. 101-107.

20. Мельникова, О. М. Заметки о структуре археологического исследования / О. М. Мельникова // XIII Уральское археологическое совещание: Тез. докл. - Уфа, 1996. - Ч. II. - С. 100-101.

21. Мельникова, О. М. Заметки о структуре археологического исследования / О. М. Мельникова // Методика и методические предпосылки археологических исследований: Материалы международ. семинара и конф. - Йошкар-Ола: МарГУ, 1996. - С. 22-36.

22. Мельникова, О. М. Проблема взаимодействия древних и средневековых культур Приуралья: поиск путей решения О. М. Мельникова // Историческое познание: традиции и новации: Материалы международ. теор. конф., 26-28 окт. 1993 г. - Ижевск: Изд-во Удмурт, ун-та, 1996. - 4.1. - С. 32-39

23. Мельникова, О. М. Университетская система образования как фактор развития научных школ в археологии / О. М. Мельникова // Исторический факультет: история, современное состояние и перспективы: Тез. докл. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию ист. фак-та УГПИ-УдГУ. - Ижевск: Изд-во Удмурт, ун-та, 1996. - С. 90-91.

24. Мельникова, О. М. Новые подходы в изучении проблемы взаимодействия древних и средневековых культур Приуралья / О. М. Мельникова // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum.* - Jyväskylä, 1996. - P. VII. *Litteratura. Archaeologia. Antropologia.* - Pp. 344-347.

25. Мельникова, О. М. Взаимодействие древнего и средневекового населения Приуралья как междисциплинарная проблема / О. М. Мельникова // Проблемы межатнических взаимодействий в сопредельных национальных и административных образованиях: (на примере региона Среднего Прикамья): Тез. докл. - Сарапул: Музей истории Среднего Прикамья, 1997. - С. 51-52.

26. Мельникова, О. М. Научная школа в археологии как объект междисциплинарного анализа / О. М. Мельникова // Гуманитарное знание на

пороге XXI века: Материалы международ. конф. ~ Ижевск: Изд-во Удмурт, ун-та, 1997. - С. 139-140.

27. Мельникова, О. М. История археологии Урала как объект междисциплинарного анализа / О. М. Мельникова // Урал в прошлом и настоящем: Материалы науч. конф. - Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1998. - С. 94-96.

28. Мельникова, О. М. Методы изучения истории археологии / О. М. Мельникова // Удмуртия накануне третьего тысячелетия: Тез. докл. науч.-практ. конф. - Ижевск, 1998. -- Ч. I. - С. 48-50.

29. Мельникова, О. М. Заметки о содержании этноархеологии / О. М. Мельникова // Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы VI международ. науч. семинара, посвящ. 155-летию Д. Н. Анучина. - Омск-СПб: Изд-во ОмГУ. - Ч. II. - С. 15-18.

30. Мельникова, О. М. Роль социальных факторов в формировании научных школ в археологии / О. М. Мельникова // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Материалы международ. науч. конф. - Ижевск: Издат. дом «Удмурт, ун-т», 2000. - С. 24-30.

31. Мельникова, О. М. Теоретическое наследие В. Ф. Генинга: историографический взгляд / О. М. Мельникова // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Материалы международ. науч. конф. - Ижевск: Издат. дом «Удмурт, ун-т», 2000. - С. 184-189.

32. Мельникова, О. М. ...Он был беззаветно предан науке... / О. М. Мельникова, Е. В. Ильина // Луч. - 2000. - № 8. - С. 30-36.

33. Мельникова, О. М. Взаимодействие древнего и средневекового населения Прикамья как историко-научная проблема / О. М. Мельникова // Исторические истоки: опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: Материалы международ. науч. конф. - Ижевск: Изд-во Ин-та эконом. и управ. УдГУ, 2002. - С. 30-36.

34. Мельникова, О. М. Историография археологии: Рабочая программа / О. М. Мельникова // Рабочие программы по дисциплинам специализации «Археология». - Ижевск: Изд-во Удмурт, ун-та, 2003. - С. 39-57.

35. Мельникова, О. М. Теоретические и методологические проблемы археологии: Рабочая программа / О. М. Мельникова // Рабочие программы по дисциплинам специализации «Археология». - Ижевск: Изд-во Удмурт, ун-та, 2003. - С. 245-267.

36. Мельникова, О. М. Методологические проблемы историографии археологии (в связи с работами В. Ф. Генинга) / О. М. Мельникова // Сучасні проблеми археології, Київ: Інститут археології НАН України, - Кіаів, 2002. - С. 148-150.

37. Мельникова, О. М. Научная школа археологов в Удмуртском государственном университете / О. М. Мельникова // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. - Ижевск: Изд-во Удмурт, ун-та, 2002. - С. 65-84.

38. Мельникова, О. М. Предисловие / О. М. Мельникова // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. - Ижевск: Изд-во Удмурт, ун-та, 2002, - С. 7-11.

39. Мельникова, О. М. Выпускники кафедры археологии и истории первобытного общества по специальностям «археология», «музееведение», «историческое краеведение», «методика преподавания истории в школе» / О. М. Мельникова, И. Ю. Пастушенко // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. - Ижевск: Изд-во Удмурт, ун-та, 2002. - С. 278-285.

40. Мельникова, О. М. Современный исследовательский коллектив в археологии

как объект научного анализа / О. М. Мельникова // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. - Ижевск: Издат. дом «Удмурт, ун-т», 2002. - С. 21-37.

41. Мельникова, О. М. Предисловие / О. М. Мельникова // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. - Ижевск: Издат. дом «Удмурт, ун-т», 2002. - С. 4-7.

42. Мельникова, О. М. Краткий биографический справочник археологов Прикамья (XIX - первая половина XX вв.) / О. М. Мельникова, Т. И. Оконникова, Р. Д. Голдина, Л. Д. Макаров // Оконникова Т. И. Формирование научных традиций в археологии Прикамья. - Ижевск: Издат. дом «Удмурт, ун-т», 2002. - С.132-149.

43. Мельникова, О. М. Научная школа в археологии - эффективная форма подготовки кадров / О. М. Мельникова // Актуальные проблемы образования в высшей школе: Материалы науч.-метод. конф., 23 мая 2003 г. - Ижевск: Издат. дом «Удмурт, ун-т», 2003. - С. 114-118.

44. Мельникова, О. М. Пермская научная школа археологов О. Н. Бадера / О. М. Мельникова // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание, посвящается 100-летию О. Н. Бадера: Материалы международ. науч. конф., 6-10 окт. 2003 г. - Пермь: ПГУ, ИА РАН, ИИА УрО РАН, 2003. - С. 18-20.

45. Мельникова, О. М. В. Е. Майер и развитие археологии в Удмуртском государственном университете / О. М. Мельникова // Историк и его дело: Спец. вып.: Сб. науч. ст., посвящ. 85-летию со дня рождения В. Е. Майера (1918-1985). - Ижевск: Изд-во Удмурт, ун-та, 2003. - С. 13-20.

46. Мельникова, О. М. Заметки о содержании этноархеологии / О. М. Мельникова // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. - Новосибирск: Наука, 2003. - С. 121-124.

47. Мельникова, О. М. В. А. Оборин как ученик О. Н. Бадера / О. М. Мельникова // Оборинские чтения. Материалы региональных археологических конференций, состоявшихся 17 мая 2002 г. и 15 мая 2003 г. - Пермь, 2003. - С. 3-6.

48. Мельникова, О. М. Из истории участия краеведов в археологическом изучении Урала / О. М. Мельникова // XIV Уральские Бирюковские чтения: Материалы Рос. науч.-практ. конф., посвящ. 30-летию проведения на Урале Бирюков, чтений. - Челябинск, 2003. - С.30-33.

49. Мельникова, О. М. Научная школа в археологии как фактор формирования квалифицированных научных кадров / О. М. Мельникова // Подготовка научных и научно-педагогических кадров и присуждение ученых степеней в России и Западной Европе: теория, история, опыт и тенденции развития: Материалы международ. науч.-практ. конф. - Пятигорск, 2003. - С.49-55.

50. Melnikova, O. Scientific school in archaeology as an object of interdisciplinary analysis / O. Melnikova // Humanities on the threshold of the XXI century: materials of the International Conference. - Izhevsk, 1997. - P. 291.

51. Melnikova, O. Research methods in the history of Russian archaeology / O. Melnikova // Abstracts 4-th Annual Meeting EAA. - Goteborg, Sweden, 1998. - P. 98.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика

Подписано в печать 19.02.2004. Формат 60x84/16.

Тираж 100 экз. Заказ № 356.

Типография Удмуртского государственного университета
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.